

Шельф

Автор:

[Андрей Ильин](#)

Шельф

Андрей Александрович Ильин

Обет молчания #22

На морском шельфе одной небольшой африканской страны нашли нефть, интерес к которой проявляют политики и спецслужбы многих государств. В стране готовится переворот с целью свержения существующей власти и замены ее на марионеточное правительство. Резидент, анализируя мелкие на первый взгляд события, раскрывает масштабы заговора. Сможет ли он в одиночку остановить хорошо подготовленную операцию иностранных спецслужб и вооруженных банд? Как не имея ресурсов, разрушить многоходовой заговор?

Победа возможна только если использовать нестандартные и рискованные методы...

Андрей Ильин

Шельф

Серия «Обет молчания»

© А. Ильин, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

Небольшой уютный зал.

Стол красного дерева, кресла из натуральной кожи крокодила, приглушенный свет, картины на стенах. Естественно, подлинники известных художников.

И публика. Избранная. Которую по «ящику» не увидишь. Потому что они лицами не торгуют.

Они торгуют другим.

– Господа, я рад что после стольких раундов переговоров, мы наконец пришли к единому мнению относительно обсуждаемого здесь контракта. Заключение его откроет новые финансовые горизонты для всех участников сторон. Не скрою, путь к решению был долгим и трудным, имели место различные противоречия и объективные сложности. Которые мы, тем не менее, смогли преодолеть. О сумме контракта я говорить не стану, вы о ней все осведомлены. Но, по оценкам экспертов, это третий по значимости контракт в мировом рейтинге проектов этого года. С чем вас с удовольствием поздравляю. Это серьезный успех.

Все согласно закивали.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы поставить подписи под главным соглашением, где оговорены суммы, участие и ответственность сторон и приступить к реализации этого грандиозного...

Один из присутствующих поднял руку.

– Да. Что у вас?

– Хочу внести уточнение. – Человек встал, чуть поклонился. – Господа, у меня небольшая для всех информация. Я хочу сообщить, что наша... что моя компания выходит из настоящего контракта в одностороннем порядке...

Повисла мертвая, кладбищенская тишина. Взгляды, все взоры устремились на выступавшего.

– Но позвольте! Как же так? Мы собрались... – начал было распорядитель.

– Простите, господа. Но так сложились обстоятельства. Это окончательное решение. О причинах позвольте мне не распространяться. Надеюсь, вы сможете найти других достойных компаньонов. Мы были очень рады сотрудничеству с вами. Спасибо...

Человек собрал со стола бумаги, сунул их в папочку и, сдержанно поклонившись, пошел к выходу, провожаемый взглядами.

Третий в мировом рейтинге контракт не состоялся...

* * *

Текст был пространным, страниц на десять. И был совершенно бессмысленным – про какие-то там лесозаготовки с перечислением сортов деревьев, делянок, кубов и прочей технической ерундой. Которую, если читать, то скулы от скуки сведет.

Если всё подряд читать...

А если не всё и не подряд... Если выборочно, выбирая отдельные слова и цифры, в определенной последовательности, соединяя их по специальной формуле в столбцы, то текст приобретал иной смысл.

Потому что в нем были широта и долгота.

И было время...

Место и время встречи...

* * *

Курорт был так себе, не из самых раскрученных.

И страна не из первой десятки.

И сезон – не самый лучший.

И отдыхающих не так уж много.

Но отдыхающие – были. Катались себе по склонам, пили глинтвейн и пиво в барах, оттягивались в парилках и плавали в бассейнах.

Новый постоялец вышел из отеля. Спросил:

– Где у вас тут склоны помягче, но так, чтобы народа поменьше?

Хотя лучше местных знал всё про эти склоны, дороги, подъемники и развязки. Например, знал, как по старой пастушьей тропе выйти к перевалу, по склону которого попасть из этого государства в соседнее, знал названия и планировки отелей с той стороны и имена администраторов, чтобы если что, сойти за своего, знал расписание и номера автобусов, которые могли доставить его на железнодорожный вокзал к местному поезду... И даже знал координаты заброшенного альпинистского приюта, где в самом крайнем случае можно было отсидеться недели две-три...

Много чего знал, о чем население даже не догадывалось.

Потому что это была обычная подготовительная работа – изучить местность и наметить все возможные, в том числе экзотические, пути эвакуации. А иначе как? Потом, если до плохого дойдет, думать будет некогда...

Погода была прекрасная, с видимостью, как говорят пилоты: сто на сто. Хрен при такой подкрадешься близко. И хрен дрон с фото и видеокамерами подвесишь, потому что если голову задрать, то можно космос увидеть.

Хорошее место.

– Ну, я пошел.

Новоиспеченный горнолыжник забросил на плечо лыжи и пошел к подъемнику.

Ничем не примечательный, среднестатистический отдыхающий, в типичной одежде, с примелькавшимся снаряжением, «европланктон», сменивший на неделю «аквариум» офиса на недорогие снежные горные склоны. Один – из десятков тысяч.

Подъемник потащился вверх. Далеко не на всех сиденьях были люди. Ну, и хорошо. Плохо, когда людей совсем нет, и ты один, как вошь на гребешке. Но и не хорошо, когда людей много.

Приехали...

«Отдыхающий» встал на лыжи и довольно уверенно поехал по склону. Потому что пришлось научиться, взять уроков десять именно для этой поездки. Чтобы сойти за горнолыжника.

Снег скрипел под лыжами, солнце светило, снег искрился. Всё, как на рекламных буклетах. Он свернул чуть в сторону с трассы и тут вдруг сбоку к нему метнулась какая-то тень.

Секунда... Сшиблись... Свалились в снег, покатались вниз сцепленным клубком. Что за идиот, перед собой не смотрит! Или совсем ездить не умеет?

Затормозились. Осмотрелись, ощупались. Вроде целы.

– Вы что, не видели? Вы как ездите!

– Не бухти, – тихо сказал лыжник. По-русски. – Сиди проверяй, ремонтируй крепления. Короче, делай что-нибудь. – И сам стал ковыряться в лыжах, озабоченно качая головой.

Куратор. Всё понятно. Нашел место, выбрал время и придумал повод. Самый простой и естественный – сбить с ног человека, чтобы естественным образом познакомиться. Теперь вот чинит лыжи, хотя кругом ни души и ни кустика, за

которым можно было бы спрятаться. Но всё равно, он что-то такое изображает.

– Ай-ай, как же так случилось, вы уж простите... – и вполголоса: – Слушай внимательно и запоминай. У нас ЧП – погибли два работника торгпредства. Все на ушах. На место отправлены все возможные спецслужбы, вплоть до участковых. И нас пригребли...

– Но мы внутренняя разведка! Мы только дома...

– Это ты им расскажи. Есть прямой приказ Первого – выехать и разобраться на месте, а ему мы перечить не должны. Можем только исполнять.

– Как же тут разбираться, если нельзя светиться?

– А это твои проблемы. Разбираться надо и результат на-гора выдать, но так, чтобы ни одна живая душа. Ну, ты правила знаешь...

Правила он знал, правила были известные: если ты высунулся, засветил свое личико и если кто-то заподозрил тебя в принадлежности к Организации, то цепочку прервут на тебе. Потому что никто никогда ни под каким видом, даже на уровне подозрений... И это есть «верхнее» правило, которое над всеми прочими правилами, потому что тайна Организации выше жизни ее отдельных работников. И даже всех.

– Ох, простите. Если я нанес вам какой-то урон, я готов возместить его... – Слова, слова... Словесная шелуха, как дымовая завеса вокруг главного. – Снимешь тайник, там вся необходимая информация и деньги на первый случай. Больше ничем помочь тебе не смогу.

Ну, это понятно: они всегда соло, и всегда хоть наизнанку вывернись. Нет у них помощников, кроме тех, которых они могут раздобыть сами. И нет выделяемых средств – изыскивай сам, где и как хочешь. И даже отеческого слова не услышишь, а лишь короткие приказы. Крутись, крутись, агент, как змеюка на раскаленной сковородке. И ни на что и ни на кого не рассчитывай. Только на себя!

Потому что твоя организация – это фата-моргана, которая то ли есть, то ли ее нет, потому как без штабов, зданий, званий, бюджетов и тому подобной бюрократической мишуры. В лучшем случае, сидят три замшелых начальника под «крышей» какой-нибудь мелкой шарашки, вроде жилконторы, на окраине страны, на которых в кошмарном сне не подумаешь. Но только попробуй послушаться или преступить, или нарушить – и тебе прилетит. В лоб или по лбу. Но почти всегда со смертельным исходом. Потому что такие правила: за всё отвечаешь не кошельком или увольнением, а башкой. И не только своей, но и своих близких, которые вечные заложники.

И как тут дёрнуться, как нарушить, предать или просто сачкануть? Никак! Оттого и результаты. Хотя и один, как голый в поле...

Хотя почему один? Нет, не один. И не голый. Потому что были учебки, где тебе преподавали такие уроки, которые больше никому другому! Где научили выживать, добывать, убивать и умирать. Дали тот инструментарий, который в любой ситуации поможет. Как универсальная отмычка! И разрешили действовать без оглядки на статьи Уголовного кодекса, как если по законам военного времени. Где ты лично сам приступаешь, а если надо, то и судишь, и приводишь в исполнение. Потому-то и стоит Организация десятилетиями. Ведь нельзя найти и прихватить тех, кого нет! А если прихватить, то Организация, как ящерица, отбросит свой, за который ухватились, хвост. А хвост тот – это чья-то жизнь.

– Все подробности в закладке под семнадцатой опорой подъёмника на восточном склоне. Семьдесят сантиметров от южного угла. Вот пульт.

Пульт оказался обычным автомобильным брелоком. Только без машины.

– Связь только по аварийному каналу и только в самом крайнем случае. Трудись... И не пуха тебе... Еще раз извините! Так нехорошо получилось... – Неловкий горнолыжник подхватил свои лыжи и поковылял вверх по склону.

Контакт состоялся.

Задание было получено.

Остался пустячок – исполнить это задание.

* * *

Семнадцатая опора.

Закладка.

Не какая-то обычная, дохлая, к которой прикоснуться противно, кошка, не куча дерьма и не обычный на вид булыжник. Просто фотоаппарат. Который обронил какой-то, поднимавшийся наверх ротозей-турист. Типичная цифровая «мыльница». Которую никто не стал искать, потому что поди, найди ее в сугробе.

Этот – нашел.

Отсчитал от нужного угла сантиметры, нажал брелок, который привычно, как если машину открывать, пикнул. Вот теперь можно брать закладку. Потому что, если не «пикнуть», так тот фотоаппарат рванет не хуже гранаты, сжигая в пепел все внутренности. И еще раз рванет, если не повторить нажатие через четыре минуты – это на случай возможной засады.

Теперь копнуть и радостно вытянуть из-под снега находку. Радостно – это на случай, если его кто-то видит. Хотя кому видеть? Во все стороны от опоры никаких естественных укрытий, за которыми можно спрятаться. Да и проехал он здесь сверху раз десять, любуясь окрестным пейзажем в двадцатикратный бинокль. Но, тем не менее, порядок есть порядок.

Как хорошо: нашел потерю. А думал, что уже всё!

Повертел, обтёр фотоаппарат, сунул в карман. И пошел себе довольный прочь. Чтобы уже в номере, совсем в другом номере другого отеля в другом городе, рассмотреть снимки. Самые обычные – горные вершины, улыбки лыжников, ослепительное солнце... Типичная курортная лабуда – глазу зацепиться не за что. Но если вытащить карту памяти, засунуть ее в ноутбук и прогнать через специальную программу, то... получишь чистый лист. Потому что читать карту можно лишь через специальный внешний дисковод, который подходит к ней как ключ к замку. Но и тогда увидишь лишь бессмысленный набор знаков и цифр.

Которые еще расшифровать надобно! Такая сложносочиненная, хотя и привычная схема. Итак, что у нас там?

Город.

Адреса.

Фамилии, должности, характеристики и недавнее местожительство покойников.

Краткое описание происшествия.

А подробнее?

Огнестрелы. Один из пострадавших дома чистил ружье и случайно выстрелил в грудь своему приятелю. После чего, из чувства раскаяния, из того же ружья бабахнул себе в голову.

А почему раскаялся и выстрелил? Потому что до этого употребил совместно со своей жертвой внутрь две бутылки ямайского рома.

Очень интересно.

А за каким он чистил ружье, когда охотничий сезон еще был не открыт? И зачем, взявшись за чистку, загнал в ствол патрон? Причем не дробь единичку, а картечь, с которой на медведя ходят? Где это он в Европе собрался медведей валить?

Странно всё это. А что в Интернете пишут?

Вначале официальная хроника. Где ответственные лица сообщают о безвременном уходе двух ответственных работников в самом расцвете сил в результате несчастного случая. И даже не уточняют какого.

Ну, понятно, сор из таких изб не выгребают, оставляют гнить внутри.

А что местная пресса?

И тут понятно... Русские пьяницы, влив в себя смертельную для европейца дозу спиртного, почувствовали себя как дома и учинили выяснение отношений с применением огнестрельного оружия, что лишний раз доказывает их непредсказуемость и агрессивность. Потому что европейцы, распив двести граммов спиртного, пошли бы себе тихо спать, не забыв при этом убавить громкость у телевизора, выключить газ и осветительные приборы. Ну, да. В своем болоте всегда чужих куликов грязью мажут. Так и должно быть.

Что еще?

Больше ничего. И даже на форумах по этому поводу никто не высказывается, кроме защитников живой природы, которые призывают запретить любые формы охоты и рыбалки, чтобы сохранить жизнь животным, включая насаживаемых на крючок червяков и самих охотников.

Как-то это событие никого не взволновало. Кроме, конечно, своих. Которые вряд ли поверили в случайные выстрелы и самострелы. Но этим лишняя шумиха ни к чему. Подробнее можно разобраться только на месте.

Значит, путь туда.

* * *

- Уважаемые, мне нужно открыть шенгенскую визу.

- Без проблем, были бы деньги.

- Деньги есть.

- Тогда давайте загранпаспорт.

- Деньги есть, а вот паспорта нет.

- Послушайте, тогда вам надо обратиться в миграционную службу по месту жительства.

– Это не для меня. Для моего хорошего знакомого. У него нет постоянного места жительства. Нет заграника. И нет общегражданского паспорта. Но есть фотография. Три на четыре.

– Тогда мы ничем не можем ему помочь.

– Но вы же Севе Рваному помогли?

– Что? Кому?

– Севе Рваному, который в бегах. Которого «зеленый прокурор» освободил. Он весной с зоны подорвался, а вы его всеми ксивами снабдили. И он теперь со своей телухой на Мальдивах на пляже парится. Вместо нар. Что вы невинность строите? Я ведь к вам не с улицы, мне уважаемые люди ваш адресок шепнули. Вы ведь не только Севу через «нитку» перекинули. Он не один теперь за границей. Например, Мирона...

Всех урок в своем регионе Резидент знал. До последнего. И кто они есть в преступной иерархии, и где теперь обитают, и чем занимаются. Работа такая – всё про всех знать.

«Уважаемые» переглянулись.

– Кто навел?

– Не важно. Или мне рекомендательные письма с лепухой принести? Или вы сомневаетесь не от ментов ли я пришел? Тогда бы я пришел не один, потому что по совокупности вам меньше десятки не светит. Но если вы боитесь, я вам теперь деньги оставлю и фото, а паспорт вы можете куда-нибудь подбросить, ну, типа я его на улице нашел. Чтобы никакой мент не прикопался. Лады?

Кивнули.

– Сколько?

– Десять тысяч. Зелеными.

– А не дорого за фальшак запрашиваете?

– Так это смотря какой. У нас такса. Можно дешевле, но тогда без гарантии, что красноперые на границе не прищучат. Гербовая бумага нынче дорого стоит. «Нитку» лучше переходить по сухопутке, на юге, через Румынию или Болгарию. Там вполглаза смотрят, и, если что, можно отбрехаться.

– Тогда мне еще пару удостоверений.

– Каких?

– Разных. Я скажу...

* * *

Центр Европы. Небольшой городок. Около «Макдоналса» стоит человек. По виду турист из Америки, потому что вызывающе радостный, улыбчивый, в ярких шортах, белых кроссовках, с фотоаппаратом и видеокамерой на животе, с путеводителем в одной руке и бургером в другой.

Он, нимало не обращая внимания на прохожих, торчит посреди тротуара, спрыгивает на проезжую часть, вскакивает на скамейки в поисках хорошего ракурса для кадра, щелкает фотоаппаратом, размахивает руками и вскрикивает возбужденно: «Yes!» и «O'kay!»

Ну и за каким он сюда приехал? На что здесь смотреть, когда ничего высмотреть невозможно? Трупы увезены в морг, квартира опечатана, на подходах толкнутся все, кому не лень, начиная от внешней разведки и заканчивая посольской службой безопасности. Не столько чтобы разобраться, сколько отчитаться перед вышестоящим начальством. Командировочные оправдать. Ох, уж эти российские привычки: вначале долго клювом щелкать, а после табунами ходить.

Соваться в этот чардаш не хочется. Тем более, ничего не выходишь – это тебе не Россия, где запросто можно пломбы срывать, вваливаться к соседям и страшая их статьями УК, добиваться показаний. Хоть даже признательных. К этим – не ворвешься, эти сразу адвокатов и полицию вызовут. Ничего здесь нахрапом не узнать! Побродят наши спецы по ресторанам и злачным местам, а после

состряпают отчет, близкий к выводам местного следствия. Ну, может еще над трупами, которые на Родину вывезут и поколдуют.

Не могут они тут как дома привыкли, никого здесь их красные корочки не пугают. Иные здесь порядки. И оттого результаты нулевые...

- O'kay!

Уходить отсюда надо, пока не примелькался. Место происшествия и все подходы отфотографированы, расстояния измерены, планы составлены. Со всем этим можно теперь в тиши кабинета поработать. Yes?

Американский турист еще немного поулыбался, попрыгал, поснимал, покричал, дожевал свой бургер, допил колу и убыл. В известном ему направлении.

* * *

И что тут?

А ничего.

Дом по их меркам многоэтажный – четыре этажа. Два входа: один с улицы, другой со двора, где цветочки, клумбочки и беседки. Двор один на несколько домов. Это плохо. И крыши стоящих вдоль улицы зданий соединяются вместе, что уж совсем паршиво, так как по ним можно пешком, как по тротуару ходить. То есть, киллеры, если предположить, что таковые были, могли попасть в квартиру с четырех сторон: с улицы, со двора, с крыши через подъезд и с нее же через балкон. Видеокамер на подходах конечно нет, потому как это ущемляет свободы местных граждан, которые истолковывают видеонаблюдение как вмешательство в их личную жизнь. Вдруг он в носу или еще где надумает поковыряться, а это снимут?

Всё, приехали.

Вся дополнительная информация – в местной полиции. И она к ней за просто так не допустит. И не за так – не допустит. Здесь все законопослушные и взятки не берут, боясь пенсию потерять. Ну, по крайней мере, у случайных знакомых не

берут. А... если не у случайных?

Ну, наверное, можно попытаться найти подходы, потому что всегда есть способы. Не инопланетяне же они... Вопрос – надо ли? Что он может здесь узнать? Например, про то, что кто-то слышал выстрелы. Ну, допустим. Слышали... Возможно заметили каких-то незнакомцев, но это вряд ли. А если что и видели, то какие-то неясные тени. А если не тени, то маски на физиономиях. А если не маски, то будет словесное описание, по которому поди попробуй найти в большой Европе человека.

Нет, этот путь если и не тупиковый, то долгий и рискованный. Потому что все, кому не лень к этим полицейским уже сунулись. Тут надо зайти с другого конца: понять, кому была нужна их смерть.

И потянуть ниточку оттуда...

* * *

– Кто, простите?

– Ассистентка продюсера телевизионных проектов. Мы тут надумали сериальчик снять про наших людей за границей. Ну, чтобы там разведчики, шпионы, любовь, вербовка, погони – всё как полагается. Чтобы зрителя не оторвать.

Ассистенткой оказалась дама, приятная во всех отношениях: с бюстом в обхват, ногами от ушей и обаятельной, от уха до уха, улыбкой. На телевидении, наверное, все ассистентки такие.

– А чем я, собственно, могу...

– Вы – всем! – томно улыбнулась и закатила глазки ассистентка. – Нам очень консультанты-профессионалы нужны, которые в теме. Вас нам рекомендовали. Вы ведь «там» работали?

– Работал. По линии торговли, в торгпредствах. Но я, собственно, давно работал. Да и времени у меня очень...

– Я понимаю. Гонорары у нас невелики – пятьсот долларов час, но я бы очень хотела...

– Пожалуй, я соглашусь. Конечно, не из-за денег. Просто эта тема мне близка... Вы проходите, садитесь. Я – кофейку...

– Спасибо. Когда мы сможем начать?

– Хоть сейчас.

И ветеран дипломатических битв покосился на вытянутые на полкомнаты ножки. И еще – на настенные часы.

– Что вас интересует в первую очередь?

– Всё.

И потекла неспешная, под коньячок и ахи и охи, беседа, о славном дипломатическом прошлом. Ветеранов, их ведь только спроси... Особенно, если за пятьсот баксов в час.

– Вот все думают, что торгпреды, это так себе – торгошаи. Купцы. Дебет-кредит. А вот и нет! Иной торговый представитель покруче резидента будет. Что вы улыбаетесь? Вы думаете, разведчики все как один штирлицы? Как же! Люди, они разные бывают. Иной резидент под прикрытием сидит себе сиднем, штаны протирая, и ни хрена не делает. Ходит в рестораны с девицами за казенный счет лобстеров кушать, а потом оформляет это как конспиративную встречу и чек прикладывает. Или к морю на недельку смотается, типа, чтобы вербовку провести и там, на Лазурном берегу, пузо на пляже греет, в котором полведра баварского пива... А вы думаете они с пистолетами и ядами? Что вы... Я столько на своем веку....

Еще коньячка подлить, чтобы язычок больше развязался. Коньячок, он способствует.

И еще искреннее любопытство, широко распахнутые голубые глаза и приоткрытый от удивления ротик, так, чтобы зубки видны были, и юбочка вверх

задралась.

– Да вы что? Вы серьезно?

– Вот, помню, служил я в одной, не важно какой африканской стране. Так там, сказать стыдно, резидентура спилась совсем. Климат жаркий, мухи цеце летают, вот такие, с палец. Страшная, доложу вам, штука – пойти некуда, кругом партизаны и нищета. Только и остается, что под кондиционером сидючи, водку хлестать для профилактики желудочных отравлений. Что обычно и делали. Из посольства носа не высовывали! С утра соберутся, откупорят – и давай. А после отчеты строчат, мол, имели встречу в джунглях с каким-нибудь партизанским командиром, которого успешно завербовали, а того спустя неделю в стычке с правительственными войсками убили. И денежки, которые на вербовку отпущены были, пропали. А поди докажи, был тот командир или нет... Может, он даже расписываться не умел, а крестик любой дурак поставит. А вы говорите, разведчики... Алкашня! Один до смерти напился – чертей стал видеть и палить по ним из табельного оружия, да случайно в себя угодил. Так его по графе боевые потери списали. Домой в цинке отправили, со всеми почестями, под салют, зарыли, а семье – пенсию. Ну, а по этому поводу они еще больше пить стали!

– А посол?

– А что, посол? Он с ними. Что ему там в Африке делать? На высылках. Он с горя вообще не просыхал, потому как дома большим чиновником, при деньгах, а здесь – никто. А вы говорите, разведка! Им потом, не поверите, всем ордена повесили, потому что партизаны как-то так случайно местного диктатора скинули, а они эту победу себе приписали, мол, активно участвовали в подготовке смены режима, вплоть до разработки конкретных операций.

– Да вы что? Это очень интересные детали. – И глазками хлоп-хлоп. И наклонилась, чтобы бюст из выреза чуть на пол не вывалился. – А вы как же? Тоже... злоупотребляли?

– Ни-ни! Мы не какая-нибудь там разведка, мы торгпреды. У нас, в отличие от них, работа серьезная. Это они могут приписками заниматься, денежки под вербовки и подкупы списывая, а у нас товар. У нас дебет-кредит, и чтобы комар носу не подточил. Они в посольстве сиднем сидели, а нам нельзя! Мы в самой

гуще быть должны! У нас поставки, сроки, кредиты, суда в порту под погрузкой, борты на взлетке. И ведь каждый обмануть норовит, некондицию подсунуть или откровенную туфту. Эти же туземцы... Это такие, скажу вам, люди... Только отвернись! Я как-то змей для нужд отечественной фармацевтической промышленности поставлял, ну, чтобы яд из них добывать. Их там мне сотнями привозили, в ассортименте. Яркие такие, в пятнах все, извиваются, шипят, кидаются. Жуть! А мне их принимать согласно описи, чуть ли не поштучно, и чтобы зубы целы и размер нужный. Потому как я лицо ответственное, а товар стратегический, из него вакцину для армии делают и лекарства особые. Не шутка! Я каждый ящик открываю и считаю. А они головы поднимают, лезут, за палец цапнуть норовят...

- Ой, какой ужас!

И ручками всплеснуть. И за щечки себя схватить.

- Еще бы не страшно. А только надо! Потому, как знаю я этих продавцов ушлых. Там же вор на воре. Только меня не обвести! Знаете, чего эти папуасы удумали? Змей красить! Ловят каких-то там своих ужиков безвредных и красками под ядовитых тварей мажут. И мне этих червяков толкают. А я гляжу: чего-то не то. «Давай, - говорю, - сюда бидон ацетона!» И прямо на змеюк лью. Тут с них все пятна и полезли! Во как! А вы говорите, разведчики... Это мы, торгпреды, как на передовой. Я вам точно говорю! Не верите? А я вот теперь вам про операцию одну секретную расскажу. Только это не для кино.

- Ну, конечно! - И пальчиком до его руки коснуться.

- Пришел как-то нам заказ на оптовую поставку корня «Зум-зум». Есть такой в Африке. И знаете для чего он? Для потенции. Это вам не какой-нибудь женьшень, это такая штука, я вам доложу, что если корешок съесть, то хоть целый гарем ушатать можно. Крайне редкий и дорогой корешок. И заказали его очень важные персоны. Оттуда... - ткнул пальцем в потолок. - Ну, то есть, выше которых уже нет. Потому как работа у них нервная и без корешков этих им никак нельзя. Такой заказ. Особо секретный. Вызвали меня и сказали: добудь хоть умри. А корешок тот - в джунглях. А в джунглях - партизаны. Людоеды, скажу вам по секрету. Им белого человека сожрать, как нам деликатес заграничный отведать. Черного-то мяса у них завались, а беленького нет. Дефицит. И вот мне пришлось туда, к ним. В самый рассадник! Думал живым не выберусь. И даже могилки у меня не будет, потому что всего меня употребят и каждую косточку

обсуют.

– Ой!

– И не говорите. Такого натерпелся! Но добыл! А вы говорите, разведчики... Это еще посмотреть надо, у кого работа опаснее. Тут ведь за каждую запяточку... Допустим готовится сделка, на покупку сырья особого, стратегического. Которого не килограммы, а тонны нужны. Потому как государство – это тебе не частная лавочка, оно малыми закупками не балуется. И каждый тот килограммчик на вес золота! Это же какие суммы получаются? И если я, допустим, выторгую с каждого грамма доллар, то это же миллионы! Или, к примеру, надо нам купить линию по производству... Или целый завод. А тут конкуренция. Поставщики, как невесты на смотринах: всяк к себе зазывает, глазки и намеки строят. А я выбирать должен с кем сделку заключать. С теми или с этими? То есть разобраться должен, чей товар выгоднее. Да еще цену сбить. Вы знаете, какую мне взятку предлагали, чтобы я из двух поставщиков нужного выбрал? Астрономическую! Потому как сделки миллиардные, и, если я с каждого доллара цент сброшу, то...

– И вы не брали?

– Нет. Идеиные мы были.

– А нынешние?

– Нынешние... не знаю. Хотя, соблазн велик. Там ведь всё от двух-трех человек зависит, которые в теме. И все переговоры с глазу на глаз. Когда в Союзе решили автозавод для легковушек построить, который выпускал «Жигули», там ведь не только итальянцы были, там еще французы подсуетились. Так наши ребята, между ними интригуя, чуть не вдвое цены уронили. Миллиарды сэкономили. А сами премию получили в размере полугодового оклада. Вот как! А то бывает и пугают, чтобы какую-нибудь запяточку в контракте не заметить.

– А теперь?

– Кто его знает как теперь... Можно только догадываться. Но только я так скажу: работа торгпреда не только соблазнов полна, но и опасностей. Что такое жизнь человеческая, когда на кону миллиарды? Тьфу! Вот про это кино снимите. Про

героическую нашу профессию, которую не всякий освоить может.

* * *

Общая информация.

Задачи.

Методы.

Иерархия.

Фамилии кое-какие.

Болтлив оказался ветеран. И коньяка, и красоты женской большой ценитель.

– Спасибо, Вероника, отлично поработала.

Хотя никакая она не Вероника, не ассистентка, и к съемкам отечественных сериалов отношения не имеет. Другая у нее профессия. Очень древняя. И трудится она не здесь, а на другом краю страны, во Владивостоке. Но не на трассе или в порту, а в качестве индивидуального предпринимателя с приставкой vip, потому что с окончанным филологическим образованием, выдающимся бюстом и ножками. И недооцененным артистическим талантом.

– Может, вам еще какие-то услуги требуются? – игриво спросила Вероника. – Так я с удовольствием. Без дополнительных инвестиций. За всё уже уплачено. – Улыбнулась озорно.

– Нет, Вероника, спасибо.

Потому что никак нельзя. Грим может в процессе поплыть, парик сдвинуться и тогда она увидит совсем другое лицо. Которое не должна видеть.

– Но за предложение спасибо. В следующий раз – обязательно. Потому, что отказать такой даме...

- Буду ждать...

Это плохо, что будет ждать. Нужно чтобы не ждала, а, напротив, забыла об этой халтурке раз и навсегда.

- Хочу вам сказать, Вероника... Предупредить по-дружески. Тут товарищ много лишнего наболтал, что попадает под гриф «Совершенно секретно», и если это станет известно, то...

- То, что?

Вероника перестала кокетничать и в глазах ее мелькнули молнии. Не простая женщина была: тертая-перетертая, не раз ментами пользованная и прокурорами пуганная.

- А то, что затаскают вас по кабинетам. Да не по тем, а по самым важным. И статьи предъявят ого-го. С верхним сроком за измену Родине. Вот как вышло.

- А ты не пугай меня! - злобно ухмыльнулась Вероника, хотя было видно, что испугалась, - То-то я гляжу мутный ты какой-то, под мента косишь, а на мента не похож!

- Отчего это?

- Мент от халявы никогда бы не отказался. И не стал бы столько платить. А ты щедрый. Ты бы не стращал меня сроками, а попросил по-дружески. Я бы поняла.

- Так я и прошу. Но и предупреждаю, потому что прикрыть тебя, если трёп пойдет, не смогу. Там дядечки серьезные сидят.

- Да видала я всех этих дядечек, все они у меня перебивали. Знаю я вас, служивых: разговоров на миллион, а как до дела дойдет - даме предъявить нечего, кроме погон на кителе... Чего лыбишься?

- Хорошая ты баба, Вероника, замуж бы тебе, да рожать.

– А ты возьми меня. Я и рожу. Хоть троих. Или больше. Мы бабы верные, когда с нами по-человечески.

– Не могу, Вероника, женат я. Да и служба.

– У всех у вас жены, после того как. А до того – так всяк холостяк. Ладно, поняла. Я не из болтливых. Я с такими людьми... Я такого от них наслушалась! Кабы я не умела язык за зубами держать, то меня бы давно уж на свете не было. Так что можешь не опасаться за свое... место, на котором сидишь.

А он и не опасается. Что она знает? Человечка, которого никогда опознать не сможет? Информацию, полученную от болтуна-ветерана, которая не понятно для кого и для чего. Нет здесь рисков.

– Спасибо, Вероника. Да, вот еще... Презент тебе от меня. Держи.

Кольцо не из дешевых. Но с такими агентами, особенно дамами, лучше расставаться по-доброму. Они отношения ценят. Таких ласка пуще страха заставляет язык за зубами держать.

– Мне?

– Тебе. За отлично проведенную работу.

– Ну, ты точно не ментяра. Тот бы еще с меня сережки снял. А ты с подарочком. Есть же на свете мужики. И все в чужих койках!

Улыбнуться в ответ, чтобы оставить о себе приятное впечатление.

– Слышь, я тебе вот что скажу: ты этому трепачу сильно не доверяй, ботало он. Я в мужиках разбираюсь, насквозь их вижу, как под рентгеном, можешь мне поверить. Форсил он. Что-то, конечно, сказал, а что-то пересказал.

– Я знаю.

– Ну, знай. И еще... Если что, то привлекай меня к службе своей. Я баба хоть и гнилая, но правильная. Мне хорошему человеку помочь не в тягость.

Тем более, не за одно только спасибо...

* * *

И еще одна встреча.

- Здравствуйте.

- Простите, чем обязан?

- Ничем не обязаны. Но можете помочь. Книгу я пишу. По истории торгпредств от семнадцатого года до сегодняшнего дня.

- Похвально, похвально. Тема интересная и, как бы это сказать, не до конца раскрытая. Нынче все больше шпионами да разведчиками интересуются. Пифпаф... Да-с. А торговлю считают чем-то вторичным. Я бы даже сказал, второсортным. Вы проходите, проходите.

Стеллажи, книги, грамоты на стенах и фотографии. Интересные фотографии, где хозяин кабинета рядом с такими лицами... Из учебников истории.

- Так что вы хотели узнать о работе торгпредств?

- Всё.

- Всё узнать невозможно. Может быть лет через пятьдесят - сто. Если гриф секретности снимут. Или никогда. Международная торговля - дело интимное и огласки не терпит. Согласитесь, ведь вы почти ничего про сей предмет не знаете. Про разведчиков наших, про шпионов их знаете, а про торгпредов - ничего.

- Это вы верно подметили: почти никакой информации. Как-то всё очень мутно и расплывчато.

– А вы как хотели? Миром правит торговля! Хотя считается, что военные. Чему вы улыбаетесь? Военные, может быть, и молодцы, да только чем бы они воевали, кабы не торгпреды? Стрелами да шашками?

– Ну вы скажете тоже...

– Скажу как есть. Без техники, без снабжения теперь никакой войны не выиграть. И пока военные кровушку свою на поле брани льют, торгпреды торговлю ведут. Чтобы их оружием снабдить. Со всеми торгуют, в том числе и с вражеской стороной. И никакая это не измена. Просто у них есть то, чего у нас нет, а у нас то, что им требуются. Вот скажите, как бы наши самолеты летали и танки бегали в той войне без технологий передовых? Как бы мы производство развернули, заводы построили без точных станков, без подшипников... Никак! А где мы их брали, вернее покупали? Да у той же Германии, с которой воевали, и у союзников ее! А им присадки броневые гнали. И много чего еще другого. И все всё понимали, и с врагом за столом переговоров сидели, и торговались – кто, кому, что и почем. Потому что купец, хоть даже под дипломатическим прикрытием, торгашом остается, который купить должен дешево, а продать дорого. И добыть то, что получить невозможно, но без чего никак нельзя! Поди туда – не знаю куда, принести то, не знаю что – это про нас говорится! Потому что такая работа! Если бы мы теперь узнали о масштабах той торговли, то сильно бы удивились. Ее в ту пору сам Берия курировал, и разведчики у «купцов» на посылках были. Только никто об этом не знает. И знать не должны! Как бы народ наш отнесся к тому, что мы врага своего стратегическим сырьем снабжаем, посредством которого он наших бойцов на фронтах изничтожает? А что бы немецкое население сказало, узнав, что их города бомбят, используя в прицелах точную цейсовскую оптику? Вот потому никто ничего и не знал. И теперь не знают.

– То есть выходит, никакой высокой морали в такой торговле нет?

– Есть только одна мораль – выгода. Выгода для нашего с вами государства. И торгуйте хоть с самим дьяволом человеческими душами. Немцы, вон, еврейскими детьми торговали, а кто-то платил. А посредники наживались. По цепочке. А могли бы всех евреев спасти. Только если спасти всех и разом, то это бесплатно, а если лишь кого-то и выборочно, то это хороший барыш. Та война столько денег всем принесла! Потому что любая война – это, в первую очередь, торговля. Прожорлива война – каждый снаряд, каждый штык, пуля, бомба – это деньги. Это сырье, из которых их сделали. Сделали и тут же уничтожили. И надо

новые делать. А ресурсов не хватает. И торговые людишки по всему миру шныряют, ищут, выведывают, торгуются, покупают, что нужно, в том числе и у врагов. А те продают, потому что тоже ищут...

- И теперь...

- И теперь. И всегда. Вы что думаете, если мы сейчас с американцами бодаемся, то мы с ними контракты не заключаем? Еще как заключаем! Все эти ваши эмбарго – это сказки для простачков. Торговлю остановить нельзя, невозможно. Если вам что-то сильно нужно, вы это добудете хоть из-под земли, в крайнем случае, через цепочку посредников. И тот, кто вам это будет продавать, прекрасно понимает, кому и для чего он это продает! Но продаст, потому что свой интерес имеет.

- А если кто-то третий не захочет?

- О-о, это очень интересно. Тогда возникают торговые войны. Где сбивают не самолеты, а цены, где взрывают не корабли, а общественное мнение, где демпингуют, вбрасывают компроматы, подкупают, запугивают, совершают диверсии. Чего только не делают! Война она и есть война.

- И убивают?

- Не без этого. Что есть жизнь человека в сравнении с контрактом в несколько миллиардов долларов? И если от кого-то зависит конкретная сделка, то он должен быть готов к давлению, к угрозам и... даже к смерти. Знали бы вы сколько несговорчивых торгпредов головы свои сложили за выгодные контракты.

- Что-то я о таких не слышал.

- И не услышите. В этой войне боевые потери списываются на естественные причины: на болезни, инфекции, несчастные случаи, в крайнем случае, на суицид. Здесь никому шум не нужен – ни той, ни другой стороне. Эти войны, хотя и не бескровные, но тихие. Но, в отличие от реальных боевых столкновений, не прекращаются никогда.

- Всё так серьезно?

- И даже еще серьезнее. Миром правят деньги, а не политики. И даже не диктаторы. Нищий политик так и останется прозябать в неизвестности. Диктатор без денег не усидит на троне и дня. Теперь воюют не ракетами, а деньгами – долларами, рублями, юанями, евро.

- Даже так?

- Так! Военную мощь той же Германии мы сокрушили в пух и прах. Немцы сделали выводы и... перестали воевать, стали торговать. И бросили в бой торгпредов. И как-то так вышло, что опять победили, положив Европу под себя. Экономическими рычагами... Или наш южный сосед, который уже полмира завоевал, без единого выстрела. И всё это работа, в том числе, торгпредов.

- А вы не слышали, недавно в Европе погибли два наших торговых представителя?

- Слышал. Один из них был моим учеником.

- И что можете об этом сказать?

- Ничего. Потому что ничего не знаю. И вам узнавать не советую. Одно дело – былые торговые баталии и совсем другое – нынешние. В чужую войну лучше не соваться. Одно скажу: там, где дело касается торговли, случайностей не бывает. По крайней мере, я в них не верю.

- Спасибо, вы очень помогли мне.

- Чем?

- Глаза раскрыли. На тему.

- Да, согласен, тема очень интересная. Очень...

* * *

А тема, действительно, есть. Появилась. Потому что контракты, войны... Мотивы. И хотя ничего еще не ясно, но определился вектор. Который... Не обязательно, но, вдруг... Потому что в пальбу на бытовой почве как-то не верится.

Отсюда вопросы: чем занимались покойники при жизни? Какой контракт вели? Как бы это узнать? А ведь не сложно... Если покопаться в открытых источниках. Потому как такое шило из любого мешка вылезет. Что мы там собирались делать, чем торговать в стране их пребывания и безвременной кончины? Посмотрим.

Ведомственные сайты полистаем.

Патриотические статейки поглядим.

Интервью изучим.

О чем там наше правительство рапортует?

О трубопроводах.

Совместных предприятиях.

Оптовых поставках.

Тише – о приеме радиоактивных веществ.

Совсем тихо о строительстве вредных производств на нашей территории...

Но, всё равно, пишут, упоминают. Если внимательно искать. Идет торговля, рапортуют министерства, кипит жизнь.

А если все упорядочить и разложить по полочкам. По датам. География. Фамилии? Может, и покойники всплывут. Пусть не в центральной прессе, но в ведомственной. Или местной. Или кто-то упомянул их...

Если задать расширенный поиск?

Пробуем...

Что там?

«С прискорбием сообщаем...»

Что это? Один из сайтов Минэкономразвития. Не самый парадный, так сказать, для служебного пользования... Подробностей никаких. Сгорели на работе. Соболезнование близким, матпомощь, фотографии в траурных рамочках, добрые слова о покойных.

Чьи слова? А если по этим именам пройти? Кто это такие, чем занимаются? Коли сочувствуют. Смотрим...

Экспортными поставками занимаются. Всего на свете. Отсюда – туда. В том числе, газом. По принципу всё – туда, ничего – оттуда. Крупная компания, но не государственная, хотя от государства кормится. Вот и журналисты намекают на какие-то родственные связи. Что дальше? Пожалуй, надо отсмотреть все их проекты. Отследить, как они двигаются...

Ищем...

Хорошо двигаются, с опережением, с рапортами о досрочном выполнении и взятыми на себя повышенными обязательствами. Все стремятся скорее трубу в Европу сунуть, чтобы недра наши туда перекачать. Просто какое-то нездоровое соитие. Ну да, это понятно. Непонятно другое.

Отчего вдруг здесь и здесь – сбой. Ну, то есть, были бравурные рапорты и барабанный бой и вдруг тишина. Они что, уже всё построили? Но тогда где фотографии о торжествах в честь открытия? Где ордена, медали и рукопожатия первых лиц? Интересно... При закладке шумиха до небес, и после, и буквально две недели назад, и вдруг как обрезало. Так не бывает.

Чем они там занимались? Строительством газовых терминалов. Здесь и в Европе. Причем у нас уже почти построили. А там еще не начинали. А зачем что-то иметь здесь, когда ничего нет там? Зачем строить выход без входа?

А если связаться с их пресс-бюро?

– Добрый день. Я есть корреспондент европейский бюро. Хотеть узнать состояние дел газовой терминал. Мы очень хотеть получать ваш газ, чтобы греть наши люди. Вы можете назвать – когда? Что? Пока нет? А когда – да? Не знаете? А что такое получилось, если нет сроки? Вы не в курсе? Мне очень жаль...

Так, тут всё понятно. Терминала пока не будет. А чем газ возить собирались? Отсюда – туда. От терминала до терминала. Специально оборудованными судами. Которые нужно строить. В немалом количестве. И где их будут строить? Вернее, уже строят: вот фоторепортажи о закладке головного судна – представительная делегация, гости, флаги, работяги в цветной униформе, значки, каски, распитие спиртных напитков на банкете... Всё как положено.

А вот уже и само судно на стапелях. Которое должны были спустить на воду... А почему не спустили?

Звонок в местную газету.

– Я был приглашен на торжественный спуск на воду нового газовоза... Кто я? Заслуженный нефтяник России, Герой труда... Да... Специально прервал свой отдых в санатории, чтобы лично присутствовать... Что вы говорите? Работы временно приостановлены? Это как понимать? Почему? На сколько? Не знаете? А кто знает? Безобразие! Почему меня никто не предупредил? У меня процедуры... Я ветеран. Я здоровье на нефтепроводах! Мне сам министр руку...

И тут всё понятно. Зачем газовозы, если газ возить некуда? Всё замерло, всё затормозилось. Хотя не понятно почему.

А что по этому поводу пишет продажная западная пресса? Которой на роток не накинешь наш платок?

Не заказать ли выборку из европейских источников. Например, студентам-лингвистам. Пусть покопаются, поищут... Пусть считают, что подбирают информацию для докторской диссертации. Там халтурить нельзя. Только ребята поторопитесь, потому что сроки. А за сроки – надбавка.

И что они там накопили? Ах, даже так: «Русские отказались от контракта на строительство газового терминала...» А причина?

Смотрим...

«Недостаточная экологическая безопасность проекта...» Вот, даже Гринпис подсуетился, развесил на берегу какие-то транспаранты и красные шарик по морю пустил. Ну, это понятно, эта акция проплачена конкурентами. Это как раз из серии торговых войн – наступление по всем фронтам. В том числе – по экологическому. Этот проект наносит урон, а тот, другой, способствует развитию флоры и фауны, так, что на берегу бананы расти начнут, а под ними кенгуру скакать.

А наши что, не могли «зеленым» больше дать? Перекупить не могли? Как-то это не по-хозяйски.

Что еще?

Протесты профсоюзов, которые считают, что русские привезут своих работяг, лишив местный пролетариат новых рабочих мест. Справедливо. Хотя наши скорее привезут азиатских гастарбайтеров, лишив рабочих мест и местных, и своих. Так сказать – для равновесия.

Что там еще? Протесты защитников морской фауны, которые опасаются, что строительство терминала негативно отразится на потенции морского окуня.

Это серьезно. Придется лить в море цистерны виагры. Но это не те деньги, которые могут привести к отказу от барышей, что обещает контракт.

Ну, и дальше и в том же духе: искажение исторического ландшафта, влияние на местный микроклимат, неудобства, причиняемые близко расположенным населенным пунктам и фермерским хозяйствам, экспансия русских...

Точно – палят из всех орудий. Как при массированном, фронтового масштаба, наступлении. Война, где все средства хороши. И даже импотенция морского окуня. Сшибают врага, занявшего плацдарм... Прав был ветеран насчет драки!

Но всё равно, всё это даже в сумме не могло, не должно было повлиять на решение! Ну, добавили бы к контракту пять-десять миллионов, чтобы заткнуть глотки протестующим. И все бы успокоились. Значит, было и есть что-то еще. Что?

Гибель двух торгпредов, проталкивавших этот контракт? Смерть – весомый аргумент. Но даже если считать, что те две смерти не случайны, вряд ли бы они остановили такой проект. Должны быть какие-то еще причины. Где их искать?

Наверное, там, где случился отказ. То есть, дома. Потому что решение принималось именно там. Что могло такого случиться в головной фирме, чтобы зарубить проект?

Смотрим, изучаем, читаем между строк.

Вначале ура-патриотические настроения. Это понятно: контракт неплохой и, главное, в валюте. Всем местным конкурентам носы утерли. Потом странная тишина. Затем сухая, что контракт прикрыт. В связи с нерентабельностью. Значит, до того он был рентабелен, а после нет. Ладно, это всё понятно. А если «вторичку» отсмотреть?

Поздравления с Днем ангела главного инженера...

Объявление о чествовании юбиляра...

Назначение.

Увольнение.

Соболезнование... Кому и в чем? Заместителю главного, в связи с трагической гибелью его двоюродного брата. Допустим... Что еще?

Увольнение по собственному желанию второго зама. А что это у него вдруг возникло желание покинуть хлебное место? Или он решил стать управдомом?

И еще одно увольнение... Как-то это напоминает бегство крыс с тонущего корабля.

Стоп! А вот это совсем занятно. Еще одно соболезнование по поводу безвременного ухода главного бухгалтера... А что это они все уходят? Так не вовремя? И скоропостижно? Вот здесь надо разобраться.

Здесь, это вам не там, тут все карты в руки!

* * *

Морг клинической больницы.

- Простите, Воронцову Лидию Михайловну вы вскрывали?

- А вы кто, собственно? И как сюда попали?

- Я ее троюродный брат из Могилева. Хочу понять, как такое могло случиться.

- Так и случилось: смерть причину найдет. Был бы человек.

- Но всё же, она ведь никогда на здоровье не жаловалась.

- Вы обратитесь к лечащим врачам, они вам всё расскажут.

- Я лучше к вам, как к последней, перед богом инстанции.

На стол легла пачка денег. Довольно толстая.

- Мне очень надо.

- Зачем?

- А вдруг у меня такая же болезнь? Наследственная. И я, как она – безременно. А когда предупрежден, можно таблетки прикупить и век свой вдвое продлить.

- Сейчас я попробую найти заключение.

– Мне не нужно заключение. Мало ли что там можно написать. Мне нужна причина. Истинная. Вы не бойтесь, это останется строго между нами.

А пачка толстая... И купюры не мелкие...

– Тут сложный случай. Здоровье у нее было хорошее, но сердце... И таблетки.

– Что? Какие таблетки?

– Она случайно не те таблетки не в той дозировке приняла. Видно, перепутала. Плюс алкоголь. Сердце не выдержало.

Понятно... Классическая схема: не те таблетки, горстью, натошак, запить двумя стаканами водки и засунуть куда-нибудь подальше телефон, чтобы до «скорой» не сразу дозвониться. Можно еще подъезды к дому какой-нибудь легковушкой перекрыть. Отсюда – итог. Печальный. Был человек – и не стало. А клиника – той самой хронической хвори. И никто глубже копать не станет. Оно им надо? От чего лечили – от того и померла.

– То есть я за свою наследственность могу быть спокоен?

– Совершенно. Ваша троюродная сестра еще бы сто лет прожила, если не эта случайность.

– Спасибо, доктор...

Хотя какой он доктор? Мясник.

– Только я прошу о нашем разговоре никому. Потому что я высказал свое частное мнение.

– Конечно! Но и вы про меня тоже лишнего не болтайте. Потому как я на службе в органах состою и взятки давать не должен. И если это всплывет, то и меня и вас...

Побледнел доктор так, что стал похож на тех самых, с которыми дело имеет, пациентов.

- Да, да... Но вы можете всё обратно забрать.

- Поздно обратно. Факт дачи состоялся и зафиксирован. Приходится, знаете, подстраховываться. Но если вы никому не скажете...

- Никому. Можете быть уверены.

- Тогда до свидания. Хорошая у вас работа, легкая и тихая, хотя и с людьми...

Ну, вот теперь всё более-менее понятно. Но если предположить, что главбуху помогли... То должны были быть какие-то предваряющие события. Потому что просто так, без предупреждения, не убивают. Какой в этом смысл? Кто-то должен был кого-то предупредить, напугать или угрожать. Кого? И кто об этом может знать?

Служба безопасности и... секретарша. Потому что эта всё про всех знает по должности своей! А если знает она, то и ее подружки. А если подружки, то полгорода.

А что знает полгорода, о том можно спросить местных бабушек. Лучше всего соседок подруг секретарши. Или ее мамы. Которым она, конечно, не утерпела и всё рассказала. А те тоже не утерпели...

- Здравствуйте, дамы. Как живете-можете?

- А ты кто такой будешь?

- Да вот хочу в городок ваш перебраться на постоянное место жительства. Орешков хотите? Берите, не стесняйтесь. - Оглядеться, вздохнуть полной грудью. - Хорошо у вас тут, воздух, спокойно. Благолепие. Поди, даже хулиганов нет?

- Как нет? Есть! Давеча вон пьяницу одного раздели до нитки.

- Да ну?! Кто это?

- Наверняка Петька с компанией своей. Вон в том доме он живет на третьем этаже. Озорничает...

- Ой! Не верится что-то. Это ж не столица.

- А чем мы хуже?

Оказалось, не хуже. Оказалось, всё как у людей.

- Подумаешь хулиганы. У нас тут такие дела творятся! Мне Клавка нынче сказывала, что Воронцова-то не так просто померла, не сама по себе.

- Так у нее же сердце...

- Может, сердце, а может, нет. Им накануне звонили и пугали. Сказали, мол, это последнее предупреждение и пусть потом на себя пеняют, если с кем-то что-то случится. Аккурат перед Лидкой. А на следующий день она и померла.

А если подкинуть дров в огонь?

- Ой дамы, заливаете вы что-то! Кому это надо - убивать?

- Тому надо, кому надо! Они потом еще раз позвонили с соболезнованиями, а никто еще про Лидку не знал! Во как!

Так, интересно, а какое это число? Девятнадцатое. А двадцать первого, то есть через два дня в ДТП погибает брат генерального. А двадцать пятого было принято решение о расторжении контракта! Одна тенденция!

Так, может, и брат? А если проверить? Тут всего-то смотаться - полтора часа. Если на самолете.

Местный Городской отдел внутренних дел.

- Я от Ивана Петровича.

- А кто это такой?

- Брат погибшего в ДТП Семченко.

- Чего же он сам не приехал?

- У него серьезная работа. Положение... Ну, вы понимаете. Он попросил меня узнать подробности.

- А какие тут подробности: ехала себе легковушка, никому не мешала, но вдруг на одном из поворотов в нее врезалась фура. Лобовое столкновение со всеми вытекающими последствиями - легковушка всмятку, у грузовика передок помят.

- А причина?

- Если официально: водитель фуры не справился с управлением. Скорее всего, уснул за рулем. Но вы же знаете - они со скорости кормятся. Вот и не спят.

- Его допросили?

- Кого?

- Водителя фуры.

- Нет. Он погиб.

- Что? От столкновения с легковушкой?

- Ну, да... Как-то так случайно вышло - при столкновении ударился лицом о баранку. Точно спал и потому не среагировал. Не повезло мужику.

- Спал...

Интересно, как такое могло приключиться? Чтобы фура с легковушкой - и два трупа?

* * *

Стоянка большегрузов. Машины в ряд с задернутыми шторками. Просыпающиеся водилы бродят, зевают, пьют кофе, бегают в ближний лесок, разогревают еду.

Стук в дверцу фуры.

- Тебе чего, мужик?

- Попутчика возьмешь?

Вполне приличный на вид мужик, хорошо одет, в очках. Правда, говорит с акцентом и как-то односложно.

- Не-а, я один привык. Других спроси, вон сколько машин.

- Я же не так просто, - достал из кармана, показал веером купюры. - Мне очень надо.

- Очень... - прикинул водитель на глазок сумму. - Ну если надо, то садись.

Обрадованный пассажир запрыгнул в кабину.

- Дверцу закрой...

Поехали.

Ехали молча, пассажир поглядывал на километровые столбики, изредка кому-то звонил. Говорил односложно:

- Да... Где... Через сколько? Да, успею...

Где-то через час пассажир попросил остановиться.

- Извини, приспичило, терпеху нет. Ты притормози, я быстро. Вон там, возле леска. - Говорил, как будто заученные фразы повторял.

Недовольный водитель свернул, встал на пустой стоянке.

- Только ты давай по-быстрому.

- Айн момент, - ответил пассажир, радостно улыбаясь. Но почему-то подвинулся к водителю. И... ткнул его, прямо сквозь одежду иглами мощного электрошокера.

Водитель вскинулся, удивленно выпучил глаза и осел.

Пассажир спокойно убрал электрошокер, обхватил сзади, приподнял голову водителя, примерился, пододвинул безвольное тело, уперся пятерней в затылок и спружинившись, что есть сил, ударил его переносьем о рулевое колесо, переламывая кость. Что-то страшно хрустнуло, на ветровое стекло брызнула кровь. Пассажир перетащил безвольное тело, уложил вниз, под ноги и сел за баранку.

- Буду на месте через пять минут...

Через пять минут фура встала на обочине. На прямом участке, где дорога просматривалась на несколько километров вперед. «Пассажир» сидел спокойно, посматривая на часы.

Звонок.

- Мы на подходе.

- О'кей!

Вытащил, приставил к глазам мощный бинокль. Далеко на горизонте он заметил красную машину.

- Вижу тебя.

- Он прямо передо мной.

Перед красной машиной ехала та самая, нужная – белый «фольксваген». А красная лишь обозначала ее.

– Еду...

Фура тронулась с места, резко набирая скорость. «Пассажир» подтянул ремни безопасности, воткнул между собой и рулем спортивную сумку, набитую картоном.

Через полтора километра фура вывалилась на встречную полосу. Прямо перед белым «фольксвагеном». Свернуть тот не успел. «Фольксваген» врубился в бампер фуры, сминаясь в гармошку. Никакие подушки безопасности спасти водителя не могли. Сбитая с дороги ударом фура съехала в кювет.

«Пассажир» быстро отстегнулся, поднял, посадил на водительское сиденье труп и ткнул мертвеца переносом в баранку, ровно туда, где уже была его кровь. Сам тихо выполз через пассажирскую дверцу, встал за фурой, дожидаясь, когда начнут останавливаться машины.

Первой притормозил красная «приора». Ее водитель бросился к покоруженному «фольксвагену», чтобы убедиться, что водитель мертв.

Мертвее не бывает!

Стал прыгать, суетиться, размахивать руками, привлекая к себе всеобщее внимание. Побежал к фуре, где «пассажир» незаметно присоединился к нему. На дороге образовался затор. Со всех сторон стали подбегать люди с огнетушителями и аптечками. И просто любопытные. Чужая смерть, она всегда привлекает... Воспользовавшись всеобщей суетой, водитель «приоры» и «пассажир» сели в машину и уехали.

Вот так всё и случилось...

* * *

– Это всё?

– Всё, – сказал следователь, закрыв страницу дела с заключением патологоанатома. – Травма, не совместимая с жизнью. Водитель не пристегнулся – отсюда итог. Хотя это надо было умудриться вмазаться в баранку так удачно... В смысле, неудачно.

– А можно мне взглянуть? – потянулся гость к делу. Потому что за всё уплачено.

– Смотрите, – пожал плечами следователь. – Только вряд ли что высмотрите. Тут дело чистое. И уже закрытое.

Так... Место осмотра происшествия. «Фольксваген»... Тут всё понятно, без вариантов.

Фура... Труп... Рулевое колесо...

А это что? Небольшие подтёки крови на полу кабины. Откуда они взялись? Странно. Почему именно там?

Фото. Посмотрим. Прикинем. Если предположить, что на полу лежал человек... То на том месте должна была располагаться голова. Да, точно.

Интересно.

Свидетельские показания... Кто что видел, что слышал.

Ничего интересного, всё одинаково, все толклись возле разбитого «фольксвагена».

Стоп. А это что? Кто-то свидетельствует, что видел издалека, как из кабины фуры вроде бы выпрыгнул какой-то человек. Но этому обстоятельству, конечно, никто не придавал значения. Даже если бы в фуре ехал пассажир, то кому надо его искать... Ну, тут хоть не всё, но понятно.

А если вспомнить главбуха...

Так может попробовать задать вопрос главному фигуранту? Потому что главному по должности. От которого, в решающей степени, зависело решение

вопроса...

* * *

- Добрый день. Разрешите представиться - следователь по особо важным делам Куприянов Лев Борисович. Нет, не вашего управления. Из Москвы. С Лубянки. Для начала подпишите вот эту бумагу.

- Что это?

- Подписка о неразглашении информации о нашей с вами встрече. Вы берете на себя обязательства никому ничего не рассказывать.

- А если я...

- Тогда я буду вынужден взять вас под арест и переправить в Москву. Вот ордер. Можете любопытствовать. Так что выбирайте.

- Что вы хотите узнать?

- О звонках с угрозами в ваш адрес. И последующих смертях вашего брата и главного бухгалтера вашей фирмы.

- Откуда вы...

- Работа такая - всё знать. В том числе про угрозы. Вам звонили, предупреждали?

- Да.

- Кто?

- Я не знаю. Это был мужской голос.

- Что он требовал?

- Отменить контракт.

- И угрожал? Если вы откажетесь, то он продемонстрирует свои возможности, устранив кого-то из вашего окружения? Вы не поверили...

- Да.

- Следующим должны были быть вы?

Генеральный понуро опустил голову.

- И вы приняли решение?

- Поймите, я не мог поступить иначе. Он не шутил! Он угрожал моей семье и мне. Если он узнает, что я рассказал вам...

- Не узнает. Если не станете болтать вы. О нашей встрече.

Ну вот и всё... Теперь всё очевидно, всё выстраивается в логическую: звонки с угрозами, несчастный сердечный приступ главбуха, ДТП с участием брата генерального и смерть торгпредов. Которая тоже, скорее всего, из этой серии.

Кому-то очень мешал этот контракт. Который не состоялся. Вот и всё. Можно рапортовать об итогах.

Кто-то в этой войне одержал убедительную победу. Кто-то проиграл. Кто-то погиб. Потому что война не бывает без жертв. И четыре покойника - не самая большая плата за возможность выиграть такой контракт. Но это дело вне его компетенции, его дело защищать интересы своего государства, которое этот раунд уже проиграло.

Кто же преступник?

Очевидно, тот, кто прибрал контракт к рукам. Но тут уже ничего не поделать - после драки кулаками не машут. Тем более, контракт хоть и немаленький, но частный, не затрагивающий экономические интересы страны. Или есть другие мнения? Если спросить компетентных людей, которые больше в теме?

Терминал...

Контракт...

Отказ...

Без фамилий и деталей, так – в общих чертах.

– Хм... Интересно. Договор, конечно, не из самых великих, но я бы не был на вашем месте столь оптимистичен. Боюсь, контракт на строительство терминала лишь часть сделки. Одна карта в карточном домике, который может теперь посыпаться. Ведь, к примеру, есть еще суда, перевозящие сжиженный газ, и чьи они теперь будут – большой вопрос. Не факт, что наши.

– Но суда уже заложены.

– Ну и что с того? Терминал-то не наш. И можно изменить технические требования к тоннажу судов, их размеру или системе перекачки, чтобы отсеять потенциальных конкурентов. В данном случае – нас. Причины всегда найдутся, было бы желание. А желание у них будет. Потому, откусив один кусок от пирога, они попытаются откусить другой. И третий. Пока не съедят весь пирог без остатка.

– Но газ наш. И мы можем...

– А почему обязательно наш? Почему они должны получать наш газ, если можно притащить свой? На своих судах. К своим пирсам. Перекачать в свои хранилища. И раздать потребителям по своим трубопроводам. Это бизнес. А он делиться не любит. Он всегда стремится к монополии и ни перед чем не остановится...

А ведь верно. Зачем делиться? Если можно... Если можно по отработанной схеме. Тогда надо отсматривать всю цепочку. По звеньям. Например, судостроителей. Потому что они законсервировали производство. И что там у них теперь?

Листаем, смотрим...

Замороженное строительство... Убытки... Вынужденные отпуска... Займы под зарплаты...

А это что? Трагическая смерть главного механика судоверфи. Скорее, даже нелепая. Отчего-то он ночью, в одиночку, выкушав литр коньяку, полез на строящееся судно, как-то так неудачно оступился и, свалившись вниз, разбился насмерть. По поводу чего опубликован некролог. И письмо инженера по технике безопасности, который настаивает на соблюдении норм и правил...

Даже так?

Но если так, то это значит, что ничего еще не закончено! Потому что атака продолжается! Контракт аннулирован, но это не последний контракт. И возможно, не самый главный.

Тогда нужно цеплять змею за хвост, потому что за голову не ухватить. Далеко голова. А хвост здесь мёл. Нужно искать исполнителей, чтобы, уцепившись за них, полезть выше. Как по ступенькам.

Такая на сегодняшний день задача.

* * *

- Опять вы?

- Опять.

- Что вам нужно на этот раз?

- Не мне, брату погибшего.

- Но я всё рассказал, предоставил материалы. Вы сами смотрели.

- Я понимаю, но человек, который прислал меня, считает, что его брата убили.

- Бред... Кому это нужно?

Посетитель лишь вздохнул и руками развел, мол, он лицо подневольное, ему велели, он – под козырек.

– И как я его могу убедить в обратном, что это обычное дорожно-транспортное происшествие?

На стол легла пачка денег. Пожалуй, потолще, чем в первый раз.

– Вот. Он просил поговорить с вашими сексотами. Он считает, что если это не случайность, а убийство, то местный преступный элемент должен что-то знать. Вряд ли с таким делом мог справиться один человек, у него должны были быть помощники. Возможно, кто-то из местной криминальной среды.

– Вы хоть соображаете, что просите? Это же сексоты, то есть секретные агенты. Секретные! А вы «поговорить»...

– Понимаете, человек сильно нервничает, ночами не спит, за себя боится. Надо бы ему помочь.

На стол упала еще одна пачка.

– Нервничает, говорите? Ну, это понятно, все-таки не чужой человек. Я могу попробовать.

– Не вы – я. Он так просил. А вы останетесь в стороне...

* * *

– Чего надо, начальник?

– Поговорить.

– О чём?

– О дельце одном. Про ДТП с фурой слышал?

- Это где «фольксваген» в лепешку смяли? Ну?

- Наколка есть, что это не случайность.

Быстрый, острый взгляд.

- Не, ничего про то не знаю, начальник. Меня это ни разу... Ну, въехал кто-то в кого-то, я тут при чем?

- Может, что-то слышал?

- Слушай, начальник, я тебя не знаю, кто ты такой, откуда, каким боком? Вопросы задаешь. Ты что, опер новый?

- Я старый. И не отсюда. Меня люди попросили разузнать. Не за так. Велели, если кто-то что-то слышал, то отблагодарить. - Распушил купюры, как колоду карт. - Ну, а если не слышал, то ступай себе мимо. Я у других спрошу.

Заблестели глазки.

- Допустим, слышал. Потому что разговоры разные ходят.

Опер подтолкнул деньги вперед.

- Что слышал?

- Точно, заказуха это. Фура та не просто так.

- От кого слышал?

- Да мало ли.

Потянуть из стопки несколько купюр обратно.

- Эй, стой, начальник, ты чего? Я же сказал!

– Что сказал? Что кто-то, где-то, кому-то, типа, брякнул? Причем именно то, про что я тебя спросил. А подробности? Имена? Кто тебе про то сказал?

Сосредоточенное молчание.

И игра на повышение.

Выдернуть еще пару купюр, отложить, добавить к ним десяток других. Чтобы образовались две стопочки. Побольше и поменьше.

Ну что, будем смотреть, будем думать?

Глазки бегают. И хочется и колется. Но больше хочется, чем колется...

– Короче, про то Рваный тренькал.

– Про что?

– Что он знает, кто это.

– Сведешь? Ты не бойся, Рваный тебе только спасибо скажет.

– Ладно, поговорю. – Сгреб деньги.

Вот и славно. Теперь поговорим с Рваным.

– Чего искал?

– Дело есть. На сто деревянных.

Выложить, показать, похрустеть перед глазами. Чтобы зацепился. Слова они – слова, а когда видишь куш, пощупать его можешь, понюхать – это совсем другое дело.

Смотрит недоверчиво.

- А чего это ты щедрый такой?

- Интерес свой имею. Тот покойник мне корешем был, а его кончили. Вот хочу понять кто его заказал. Ну что, есть что мне сказать?

- Я в том деле сам не участвовал, но человечка знаю, который помогал...

Даже так?

- Могу навести. Но... - посмотрел на деньги, - если добавишь.

- А что, мало?

- Человечек серьезный. Если что не так пойдет - на ленты меня порежет. Рискую я.

- Сколько?

- Вдвое.

- Лады.

Пошла мотаться цепочка от звена к звену. За не самые большие деньги.

- Чего искал?

- ДТП с «фольксвагеном» твоих рук дело?

Насторожился, собрался как для прыжка. Хотя ухмыляется нагло.

- Кто сдал?

- Неважно.

- Предъяву хочешь кинуть?

– Ничуть. Подробности хочу узнать. Не за так.

Волшебная стопочка шлепнулась на ладонь. Нелегенькая!

– Бабки карман жмут?

– Пусть так. Расскажешь всё как было – деньги твои.

– Я мало что знаю. Это заказ не мой.

– А чей?

– Фраер какой-то меня нанял. Иностранец.

Иностранец?

– С чего ты взял?

– Выглядит не по-нашему, говорит с акцентом, по мобиле с кем-то базарил по-немецки. Чистый фирмач. Велел, чтобы я за тем чуваком посмотрел: где живет, куда, когда ездит, маршруты. И потом, чтобы сопровождал и сигнал отбил. Ну я и сделал.

– За рулем фуры был он?

– Он. Крутой мэн. Всё обставил тип-топ!

– Как он тебя нашел?

– Не знаю. Нашел, бабки кинул хорошие. Сказал, что после дела, если справлюсь, за кордон меня утянет.

– Зачем?

- Точно не знаю. Намекал, что там мочилы нужны, что меня натаскают малость, а потом там или здесь работу дадут. Но только мне это не нужно.

- Отчего?

- Мутный он. И опасный. Я таких сразу вижу. Ему человека кончить, что муху задавить.

- А тебе как будто нет?

- Нет, я по понятиям. Мне лишние грехи вешать на себя ни к чему.

- Как найти его не сказал?

- Не-а... Сказал сам меня найдет, когда нужда будет.

- Когда найдет, ты не отказывайся, соглашайся на всё. И мне брякни. Вдвое получишь.

- Лады.

- Описать его можешь?

- А чего описывать – обычный он. Серенький. Без лица. Только вот здесь, по шее за ухом три родинки.

Всё? Кажется, всё... По крайней мере, здесь. Потому что можно еще копнуть – там. Ведь, наверное, в конкурсе и другие компании участвовали? Ну не две же. А раз так... Очень здравая мысль. Которая раньше в голову не приходила. А теперь пришла. После всего, что тут выяснилось.

Ну-ка смотрим.

Итальянцы.

Французы.

Австрияки... Много кто в это корытце со своим интересом сунулся, чтобы понюхать и кусочек пожирнее оторвать.

Сунулся. И... высунулся...

Почему?

Объяснений множество: недостаток собственных средств, отказ в кредитах, слабые технические возможности.

И это всё? Или?.. Если внимательно покопаться? Может, там тоже не всё так радужно?

Смотрим.

Копаем.

Ищем...

Выход из состава директоров... Почему это?

Банкротство... Это еще интересней. А что же они в драчку лезли? Или от этого и надорвались?

Ага... Некролог. Лицо рамочке. Вполне себе молодое и симпатичное. И что с бедолагой случилось? Несчастный случай – выпал из окна собственной квартиры. Несмотря на зиму и еврорамы. Которые в Европе никто в холод не распахивает. А эта рама настезь. Очень интересно.

Хотя – не факт. Нельзя подгонять события под желаемый результат. Так черт знает до чего можно дойти. Может, человек действительно выпал – надумал в декабре окна помыть, залез в скользких шлепанцах на подоконник и рухнул. Или счеты с жизнью свел...

Не надо спешить.

Надо – проверить.

Для этого прикинуть масштабы, потому что и тут, и там! Главный бухгалтер, двоюродный брат, главный технолог на судовой верфи, два торгпреда и, возможно, этот симпатичный господин в рамке. И все почти одновременно! Киллер что, по странам как гончая мотался? Нет, так не бывает. Любая акция требует вдумчивости и подготовки. Времени требует! Не бывает так, что спонтанно – приехал и угробил. Ну, может быть, один раз. Но не системно.

То есть это не один исполнитель, а несколько. Целая бригада, потому что «уговорить» застрелиться двух здоровых торгпредов, которые стреляться не хотят – это одному не по силам. То есть выходит, что здесь действует банда? И чья она тогда?

По логике – фирмы, «выигравшей» в конечном итоге тендер. Если исходить из принципа, кому это выгодно. Но тогда получается, у них работает целый отдел головорезов, которые мочат всех подряд, в том числе законопослушных европейцев. Как-то не верится...

Ладно у нас, тут стрельбой и трупами никого не удивить. Но там, в Старом свете... Там ведь пусть не теперь, не сразу, пусть через десять лет, это могут выкопать и посадить на нары. С конфискацией всего того, что они преступным, а заодно и законопослушным путем добыли. А это особенно обидно. Там в такие игры не играют – слишком много можно потерять. Всё потерять! Там обожают по любому поводу денежки и собственность изымать. Это не у нас, где можно договориться со следствием или богатства свои по родственникам распихать и, отсидев и по амнистии выйдя, зажечь в полное свое удовольствие. Там всё найдут и под метелку выгребут. Как продотрядники! Срок могут не дать, а к денежкам потянутся обязательно. Нужно же на что-то беженцев содержать...

И все это знают. И сильно не беспредельничают. А здесь целая серия убийств! Пусть даже замаскированных под несчастные случаи.

Не ясно...

Но... факт.

А что если проверить? Нагло. В лоб?

Если заявиться в любую из фирм, которые претендовали. И спросить... Но не самому, а нанять человечка откуда-нибудь издалека, с той стороны «шарика». Проинструктировать, чтобы верно всё отыграл, отрепетировать...

Нет, не пойдет. Что он мямлит, чего очи долу опускает? Кто такому поверит? Когда блефуешь, это надо делать уверенно, чтобы в голову не пришло...

– Плохо. Вернее, никуда не годно!

Так нельзя, так себя не подают, нужно изначально поставить себя выше собеседника, нужно интриговать, напирать, внушать. Необходимо добиться, чтобы человек сразу почувствовал себя в чем-то виновным, тогда ему некогда будет размышлять на тему, кто вы и откуда взялись. Напор и победа!

Давайте еще раз.

Еще...

Ну теперь вроде подходяще. Вошел в образ...

– Здравствуйте. Интерпол...

И документик в самые глаза. Вряд ли собеседник видел живую удостоверения Интерпола. А всякая бумажка, она внушает!

– А по какому, собственно...

Оставить вопрос без ответа. Просто проигнорировать.

– Вот здесь распишитесь.

– А что это?

– Подписка о неразглашении и ответственности за дачу ложных показаний или сокрытие важной для следствия информации. Здесь. И здесь...

Ну вот, внушил. Почти до икоты. Теперь можно вопросы задавать.

– Я расследую преступления международной банды... Которая оказывает давление на бизнес. Получены сведения, что они выходили на вас. – И в утвердительно-безапелляционной форме, не как вопрос, как утверждение: – Когда это было, что они требовали?

– Да, нам звонили. Они просили... то есть, да, требовали отказаться от одного контракта... Угрожали.

– Каким образом?

– Пообещали, что будут проблемы. Только это были не пустые разговоры. Например, у меня сгорела машина, кто-то бросил в нее ночью бутылку с бензином и поджег. А у одного из директоров убили собаку. Любимую.

– Как?

– Точно не известно. Утром он нашел ее на пороге дома... Ей передние лапы отрубили...

– И вы пошли на уступки?

– Да... Но дело не только в угрозах. После тщательной проверки мы пришли к выводу, что контракт довольно сырой и наши технические возможности...

Что и следовало доказать. И этим еще повезло, потому что они лишь автомобилем и собачкой отделались.

Из всего этого следует, что не только здесь, но и там... И мы не были эксклюзивом, мы были одними из. Такой вот непатриотичный вывод. Правда, европейские претенденты сошли с дистанции раньше. И «работали» с ними мягче, с оглядкой.

Но это значит... Это значит, что наезд может повториться, потому что кроме этого контракта есть другие. Есть газозовные суда, трубопроводы, сам газ... И вряд ли они остановятся, потому что – победили. А это развращает.

То есть ничего еще не кончено. Возможно, только началось. И что теперь делать? Ждать следующего шага противоположной стороны? Как у моря погоды?

Или... стимулировать процесс?

А если стимулировать, то как?

Может быть, встречным накатом? Потому что клин клином... И если они испугаются, то начнут действовать. И тогда...

Может, так.

Потому что иначе – никак. Без приманки зверя из логова не выманишь!

* * *

– Добрый день. Я следователь Прокуратуры Российской Федерации. Мне нужно задать несколько вопросов вашему руководству.

Следователь? Из России? Как интересно... Вполне себе прилично одетый мужчина, без лаптей, балалайки и сопровождающего медведя. Но приехал зря. Никто его не примет. И не воспримет. Это он там следователь, а здесь – никто.

– Я очень сожалею, но руководство нашей компании не сможет принять вас без предварительного согласования.

– Тогда передайте, пожалуйста, вот это письмо.

– Что там?

– Вопросы, которые я хотел бы задать.

– Ну, хорошо...

Посетителя из России приняли через тридцать минут. На самом высоком уровне. И за локоток сопроводили, в глазки заглядывая.

– Проходите. Чай, кофе, коньяк?

Только что не потанцуем.

– У вас какие-то вопросы?

– Да, относительно контракта на строительство газового терминала. Который вы, якобы, выиграли.

– В каком смысле «якобы»?

– В том, что вами были использованы противозаконные методы давления на потенциальных конкурентов, которые позволили вам получить этот заказ. – Следователь открыл неспешно папочку и стал раскладывать по столу бумажки. Как пасьянс. – Вот некоторые выводы следствия...

И далее, по списку: гибель торгпредов, смерть бухгалтера в головной российской фирме, двоюродного брата генерального, технолога судоверфи, выпавшего из окна директора... Плюс по мелочи: телефонные угрозы, взорванные машины, убитые домашние животные. Хотя не такие это и мелочи, если привлечь преступников и заказчиков по статье за жестокое обращение с животными. За это можно больше, чем за технолога схлопотать... Потому что технолог чужой, а собачка своя, европейская.

Ну и как реакции?

Хорошие реакции. Нервные, хоть и тщательно скрываемые. Теперь они начнут отнекиваться и возмущаться.

– Это какое-то недоразумение. Мы не понимаем, о чем идет речь.

– О чем? О вашем прямом участии в деятельности преступного сообщества. Здесь, – ласково похлопал по папочке следователь, – есть вся доказательная база – показания свидетелей, акты экспертиз...

Смотрят на папочку, как на бомбу. А это и есть бомба, которую если правильно сбросить, то она так рванет, такими брызгами!

– Я бы хотел побеседовать с вашими сотрудниками, чтобы прояснить кое-какие моменты.

– Мы не можем... Вы не из полиции, то есть не из нашей полиции, у вас нет соответствующих полномочий, и мы имеем полное право отказать вам, порекомендовав написать заявление в местную прокуратуру.

– Не хотите – как хотите, – безразлично сказал следователь. И стал собирать бумажки в папку. – Мы можем обратиться к потерпевшей стороне, к вашим конкурентам, я думаю, они, используя свои возможности, помогут нам утрясти все юридические формальности.

А вот это уже серьезно! Это не какой-то залетный следователь из России. Если предположить, что в папке реальные доказательства и что они попадут к конкурентам, то можно не только эту сделку обратно развернуть...

– Вы подумайте, а я зайду к вам завтра. Или послезавтра. Спасибо за кофе. Хороший у вас кофе.

* * *

Ну что? Вышел из дверей компании «следователь»?

Вышел. Целёхонек.

Ну правильно, кто его там станет за ручки хватать – это же Европа, тут всё культурненько. Тут всяк занимается свои делом. Это только у нас директор фирмы может схватиться за ружье и перемочить половину персонала.

Идет. Неспешно. Как инструктировали.

А за ним? И за ним идут. Пара неприметных джентльменов. И тоже никуда не спешат.

Значит, сработало.

И – должно было. Потому что здесь, при всей внешней цивилизованности Старого света, такие джунгли, такие стаи носятся, так грызутся друг с другом, что только клочья летят... Потому что конкуренция почище, чем в учении Дарвина.

Два джентльмена куда-то пропали.

Но появились другие. То есть произошла смена «караула». Эти, другие, работали более профессионально. Скорее всего, первые были из охраны фирмы, а эти... Черт его знает откуда эти, но можно будет попытаться узнать. Если сопроводить их.

Всё как в изысканном публичном доме – наблюдение за наблюдающими.

Ладно, потянулись следом, прикрываясь тремя-четырьмя прохожими. Но смотрим даже не за ними, потому если всё всерьез, то сюда должен подтянуться кто-то из командиров, чтобы осуществлять общее руководство. И случайно может оказаться третьим наблюдающим, за тем наблюдающим, который наблюдает за его филерами, которые пасут «следователя». Такого даже в самых навороченных борделях нет.

Смотрим...

Этот?

Или, может быть, тот?

Или вон та машина?

Главное не высовываться.

«Следователь», строго следуя инструкции, идет не торопясь, стараясь держаться в толпе. Нужно фиксировать и запоминать каждого прохожего, чтобы можно было заметить новые лица.

Эта парочка свернула в ресторан.

Этот зашел в магазин.

Трое присели на случайную скамейку.

Но добавились другие...

Запомнить их, держать в поле зрения. Анализировать их поведение – как они двигаются, как ведут себя, где останавливаются... Потому что даже самый опытный шпик может выдать себя, особенно если наблюдать за ним с тыла.

Вон тот... Незаметный и неприметный мужчина... Который иногда подвисает возле витрин. Зачем? Возможно, отсматривая улицу в стеклянных отражениях. Хотя, не исключено, что выставленный в витринах товар.

Смотреть, наблюдать, анализировать.

Смотрит в сторону филеров... Зачем, если он просто прохожий? Достал мобильный, куда-то позвонил, что-то быстро сказал. Нет, так коротко не разговаривают. Даже если с любимой тещей. Так только приказы отдают.

Кто-то к нему подошел. Что-то спросил, тыкая пальцем карту. Получил ответ. Но мимо карты, на которую никто даже не взглянул.

Контакт...

По всему выходит, что это и есть командир. Тот, который отвечает за всю эту карусель. Он самый опасный, потому что самый опытный.

Уронил что-то, нагнулся, оглянулся вскользь. Черт, возможно заметил и обратил внимание на медленно бредущего позади толпы одинокого прохожего. Мог обратить. Надо менять имидж. Не сразу, минут через пять-десять. Чтобы не отсвечивать. Посмотреть по навигатору, что там впереди. «Следователь» резко менять маршрут не должен. У него приказ – идти прямо, никуда не сворачивая.

Пока идет.

Провериться, нет ли никого сзади...

Вроде нет. Не ожидают они слезки. Но всё равно нужно подстраховаться.

Бутик модной одежды. Нормально, подойдет.

Быстро зайти, шагнуть к вешалкам с подходящими размерами, сдернуть плечики с несколькими куртками. По дороге прихватить с полки кроссовки. Поярче, чтобы сразу в глаза бросались. И, пожалуй, кепочку. Быстро в кабинку для переодевания. Скинуть верхнюю одежду, накинуть новую. Теперь кроссовки и кепочку.

Нормально. Совсем другой вид.

Но дело не в одежде, дело в походке, в манере, в жестах.

Скинуть старый имидж, как плащик. Стать другим, с другой походкой, манерами и даже мимикой. Кем? Спортивным, молодящимся мужчиной.

Да, вот так...

Быстро выйти из кабинки, подойти к кассе, изображая тупорылого улыбчивого иностранца, сунуть пятьсот евро сотками.

– Но, пакет найн. Не надо. Я – спешить самолет. – Ткнуть пальцем в штрихкоды. – Быстро – очень шнель!

Не понимаете? Поторопить их, тыкая пальцем в часы!

Удивленные продавцы отсканировали товар. Теперь бегом к выходу. Станный покупатель... На выходе выбросить в урну старую одежду. Где слезка? Быстро за ними! Быстро, но без суеты! Вон они, топчутся в четырех кварталах.

Притормозить, пристроиться за той дамой, которая в два обхвата, за которой танк можно спрятать. Да и сам я уже другой, не тот, что прежде – моложавый, расфуфыренный, спортивный фронт.

Идем...

Походку, жесты – на контроль. Фейс стараться не светить. Если что, магазинов впереди много, можно еще пару раз одёжку сменить.

Так, сколько их? Двое впереди, старший и пара подручных на подхвате. Которые, чуть позже тех, первых, сменят.

Нормальная чехарда. Хотя масштабы... Если бы это была слежка спецслужб, здесь бы гораздо больше народу толклось. Нет, это не спецы... А кто? Пора бы уже спросить. Звякнуть «следователю». Но не разговаривать с ним, обрезав два звонка. Всё понял?

Понял! Потому что резко свернул влево к остановке и заскочил в автобус. Ну и что они теперь будут делать?

Откуда-то выскочила машина. Даже так?

В нее запрыгнули филеры все четверо. Оперативно...

Еще одна машина. Для командира.

В салоне только водитель. Подходяще...

Может, теперь? Что дальше будет – неизвестно. И на чем догонять их, пока не понятно.

Пожалуй...

Машина тронулась с места.

Быстро подойти, встать перед бампером, широко улыбаясь, что-то оживленно говоря и жестикулируя. Турист я, спросить хочу...

Остановились.

Сунуться к водителю, тыча в стекло картой. Что дальше? Не будут они толкаться, не будут применять в центре Европы силу. Не должны, постараются разойтись тихо...

Водитель приоткрыл дверцу, высунулся.

Ткнуться с картой внутрь, прикрыться ей и ударить его в кадык. Несильно, но так, чтобы отключить. И тут же, ни мгновения не медля, прыгнуть назад, ударив в лицо того единственного пассажира.

Всё!

Теперь кивая, чтобы случайные прохожие ничего не заподозрили, толкнуть водителя вправо, сесть на его место.

И поехать. Не за автобусом, совсем в другое место, укромное, одно из тех, которые заранее присмотрел.

Поворот.

Еще. Соблюдая все правила.

Зашевелился водитель... Ударить его еще раз, чтобы притих. Краем глаза наблюдать за тем, что сзади.

Еще поворот.

Теперь под мост... Остановка. Надеть, натянуть по самый подбородок шапочку. Зачем им его лицо лишний раз видеть? Там, на улице, они его рассмотреть вряд ли успели.

Теперь можно пересесть на заднее сиденье. Общупать, обыскать пленников. Два пистолета. Не макаровы. Какие-то удостоверения, визитки – потом посмотрим, теперь некогда.

Тряхнуть за плечи пассажира. Застонал, приоткрыл глаза. Ну, здравствуй, дружище... Улыбнуться обаятельно. И... ничего не говоря, ткнуть костяшками

пальцев в солнечное сплетение, чтобы дышалку перехватило. Захватал ртом воздух, выпучил глаза.

И еще раз ударить. Чтобы пострашней стало.

Не привыкли они к такому обращению, к таким чисто нашим наездам, когда сразу за грудки и в морду. Или отвыкли. Потому что раньше, века так два-три назад, тоже все пиратами были и разбойниками с большой дороги. Которыми, впрочем, и остались. Только действуют теперь не кистенем и кинжалом, а томами уложений и калькуляторами. И вместо ватаги головорезов у них юрисконсульты, адвокаты и бухгалтеры. Что сути не меняет. Раздевают жертвы и по миру пускают, они ничуть не хуже своих прадедов, разве что ласково и в белых перчатках.

Ну что, молчим?

А если кулаком, между ножек в брючках от J.Crew? Это больно. И угрожает частичной потерей потенции, что может нанести серьезный урон сексуальному здоровью.

– Ну ты чего, в натуре, zenки пялишь?

Это ничего, что он слов не понимает, он интонацию понимает и выражение лица. И теперь в нем должны проснуться те, прежние, унаследованные от предков инстинкты, которых не раз по лицу били, и даже ногами и даже ножичком тыкали, что они должны были зафиксировать и передать своим потомкам в наборе прочих хромосом.

Ну что, вспомнил?

А теперь, когда он проникся, начать допрос «по горячему», пока он не очухался. Достать ножичек, перочинный, открыть лезвие и приблизить его к глазу. И еще ближе... Совсем близко.

Задергался, откинул голову, вжался затылком в подголовник.

Гаркнуть:

– А ну, не дергайся, фраер! – Ухватить за волосы, сильно, больно, прижать к подголовнику.

Закричал, залепетал что-то, испуганно косясь на отблескивающее лезвие. Это ничего – пусть покричит, место тут тихое, безлюдное. А крик больше его самого напугает, чем «палача».

Закрыв глаза. Да и ладно... Чуть ткнуть острием ножа в веко. Отпустить. Страшно? Ну еще бы не страшно, когда представить, как нож протыкает тебе веко, а через него глаз, как вырезает его из глазницы. Глаз – это сильный аргумент.

Ну, что теперь скажешь?

Закивал, смотрит преданно.

Нет, все-таки любой наш среднестатистический урка покрепче их киллеров будет. Любят они здесь себя, ценят и еще умеют калькулировать нанесенный здоровью урон...

Похоже, дозрел парень.

Вытащить из кармана электронный переводчик. Хороший. Дорогой.

– Как вас зовут?

Улыбнуться. Улыбка, которая не к месту, теперь напугает больше, чем злобная гримаса. А, может, я маньяк и вообще беседовать не намерен, а желаю на ремешки жертву порезать? Поводить перед глазами ножичком. Поиграться на нервах, как это любят делать блатные. Потому что это впечатляет, особенно если связать это с теми первыми ударами.

А и свяжет...

– Ну так как тебя зовут?

– Генрих.

Отлично, Генрих... Поплыл Генрих...

А дальше по полевому опроснику полковых разведчиков: звание – в смысле, кто ты такой есть, номер воинской части – ну, то есть, откуда ты такой здесь взялся, имя непосредственного и вышестоящего командиров... И вообще всё, что знаешь и о чем, наверное, захочешь рассказать.

Только мало он знает. Вот какая штука! Какая-то левая контора, которая наняла его для наезда на фирму. На ту, что «выиграла» тендер на газовый терминал.

– Торгпреды – твоя работа? Говори! Не то...

Его... Вернее, его людей. Прошли по крышам, спустились в подъезд, позвонили под видом курьеров, и им открыли, потому что Европа. А дальше – известно. Не повезло торгпредам.

А Россия?

Нет, про Россию он ничего не знает. Там работали другие. Кто, он сказать не может, так как знает только свою группу.

Замечательно. А от кого он приказы получал? И как? Ну давай, давай колись! Чего уж теперь! Ну! Занести нож. В глаза глянуть. Чтобы увидел, почувствовал, осознал... Не остановится «палач», не пожалеет, на куски порежет, но своего добьется. Всё равно ведь скажешь, никуда не денешься!

Убедить «языка» в своей готовности идти до конца важнее, чем просто причинять боль.

– Ну?

– Его зовут Хозе.

Имя назвал. Только ничего оно не дает. Тем более, что это может быть только кличка.

- Он что, испанец или португалец?

- Нет, скорее англосакс.

- А почему тогда Хозе?

- Не знаю. Он оперу любит, часто слушает. Может, поэтому.

- Описать его можешь?

Кивнул:

- Рост примерно метр восемьдесят - восемьдесят три, плечи широкие, волосы черные, чуть с сединой...

Нет, так не пойдет. Это не словесный портрет, это общее впечатление, под которое кто угодно подойдет. Придется идти по вопросам.

- Где седина? Где ее больше?

- От правого уха к затылку. Примерно вот так.

- Подбородок острый, квадратный, скошенный, ямочка посередине?

Глаза... Цвет? Расстояние между глазами? Надбровные дуги? Сами брови - форма, густота, соединяются на переносье или нет? Лоб... Широкий или узкий? Выпуклый или плоский? Есть ли на нем морщинки? И далее по каждой детали, по каждой черточке. Так пишутся словесные портреты.

- Какие-нибудь характерные жесты, мимика?

Ну думай, думай, вспоминай!

- Как ходит, как говорит? Может быть, чуть прихрамывает или ногой качает, пальцами при беседе перебирает или по столу стучит... У каждого человека есть какая-то особенность в жестикуляции, в манере говорить.

– Да он, когда говорит, никогда в глаза не смотрит, а скорее в переносье. И еще, когда волнуется, тербит себя за кончик носа.

– Особые приметы есть?

Хотя, вряд ли. Не любят люди подобных профессий украшать себя татуировками, проколами или шрамами. Предпочитают быть чистенькими и гладенькими.

– Есть.

Даже так?

– Вот здесь, на шее, сзади три родинки размером со спичечную головку, расположенные треугольником.

А вот это ценно, за это отдельное спасибо. Если, конечно, он не фантазирует!

Стоп! Три родинки... Что-то такое проскакивало. Когда, где? Ну да, дома, в России. У того убийцы в фуре, что «фольксваген» смял, были похожие родинки!

Так?

Похоже, так... Вот куда ниточка потянулась. Тогда очень хочется с ним побеседовать. С глазу на глаз.

– Где его найти?

– Не знаю.

А если иначе спросить? С пристрастием?

– У вас должен быть аварийный канал связи. Точно есть. Могу поспорить... на твой правый глаз.

Ну что, убедил?

Похоже, убедил.

- При необходимости экстренной встречи я должен послать эсэмэску.

- Ну, так посылай. Сильно экстренный у тебя случай... Где будет встреча?

- В одном из пяти заранее назначенных мест. В зависимости от того, какую цифру я поставлю в конце эсэмэски.

- Ну-ка обрисуй, что там за места?

- Вот...

- Пожалуй... Ставь цифру четыре.

Набить в навигаторе адрес. Сколько до места? Время есть, значит можно продолжить разговор.

- На кого вы сейчас работаете?

- На «Петролеум». У нас контракт.

- Кого оттуда знаете?

- Никого. С ними только Хозе контактирует.

Ясное дело: нашел заказчиков, сколотил бригаду и, конечно, ни тех ни других вместе не сводит. Впрочем, заказчиков это вполне устраивает, так как они предпочитают оставаться в стороне.

- Какие задания выполняете?

- Сейчас никаких.

- А ожидаемые?

– Точно не скажу, но Хозе говорил что-то про Африку. Что косточки там погреем. Что ожидается большая работа против русских.

Кого-кого? А вот это интересно.

– Заказ «Петролеума»?

– Кажется, да.

Интересно, а что «Петролеуму» в Африке понадобилось, и где они там русских взяли? Может, он что перепутал с перепугу? Ладно, время. Всё остальное спросим после.

Заломить, связать пленнику и водителю руки за спиной так, чтобы следов не оставалось. И скрутить их вместе. Наговорить в микрофон переводчика, стараясь формулировать просто и коротко:

– Мы едем на встречу. Если я договорюсь с вашим Хозе, то отдам вас ему. Кричать, выпрыгивать из машины или нападать нельзя. Убью. Всё понятно?

Пленники дружно закивали.

Ну, тогда поехали...

* * *

На перекрестке стоял человек. Возле него остановилась машина.

– Покажите свое лицо, – сказал электронный переводчик.

«Пассажир» сзади придвинулся к стеклу. И даже кивнул. Визуальный контакт состоялся. «Прохожий» быстро оглянулся и сунулся в машину. Он сунулся в нее и увидел...

Впрочем, ничего не увидел, потому что в лицо ему брызнула какая-то жидкость. У него была отменная реакция, и он успел отшатнуться и ткнуть руку за отворот

пиджака. Но «водитель», быстро повернувшись, ухватил его рукой за шиворот и дернул внутрь, роняя на колени «пассажиров». И им тоже брызнул что-то в лица, для спокойствия.

Вышел из машины, проверил, захлопнул дверцу, сел на водительское сиденье и поехал... Куда? Не всё ли равно? В заранее облюбованное, тихое и проверенное место, где никто не помешает тихой, «дружеской» беседе.

На месте.

Теперь перетащить Хозе вперед, посадить на водительское сиденье, связать руки, пристегнуть их наручниками к рулю, потрепать по щечкам, чтобы очухался, приблизить к уху переводчик.

– Кто ты, назови свои имя и фамилию! – И еще раз: – Кто ты, назови свои имя и фамилию!

Хозе дёрнулся. Звякнула цепочка наручников. Он быстро огляделся и всё понял. Профессионалы, они вообще очень понятливые. Сообразил, что дело плохо, но не безнадежно, потому что сидящий против него незнакомец был в маске. А если он прячет лицо, значит, есть шанс остаться в живых, потому что перед потенциальными трупами лица не прячут.

– Кто ты?

Хозе назвал имя из паспорта, который держал в руках незнакомец.

– Кто ты?

– Безработный...

Всё понятно, сейчас он будет ломать комедию, надеясь выгадать время – вдруг мимо полицейская машина проедет, или молния ударит, или незнакомца в маске insult разобьет. Время всегда работает на пленника. Нет, так не пойдет.

– Какое задание тебе поручил «Петролеум» в Африке? Неверный ответ – смерть.

Прикоснуться острием ножа к коже у сонной артерии. Очень точно, он должен оценить. Оценил. Потому что напряженно замер. Знает он, где расположена, где бьется сонная артерия и что будет, если двинуть нож дальше на пару сантиметров.

- Будешь отвечать?

Только моргнул. Ну, правильно, не рисковать же головой – самого себя насадить на нож.

- Говори. Говори четко и коротко. – Придвинуть переводчик к лицу.

- В Африке мы должны следить за русскими и готовить какую-то операцию.

- Какую?

- Не знаю. Вся информация на месте.

- Кто еще едет в Африку?

- Не знаю. Слышал, что групп будет несколько. Там намечается большая работа.

И всё... Больше никакой информации. Не похоже, что он врет, потому что с наемниками именно так и поступают, давая возможность добраться до места и лишь там посвящая в детали.

- Жить хочешь?

Кивнул.

- Расскажешь, кто нанял тебя, для чего и о прежних заданиях... Назовешь имена, адреса. Всё, что знаешь. Ты понял?

Всё он понял. Сообразил, что его вербуют.

Хозе быстро и четко рассказал если не всё, то многое.

Правда, наёмник... Наёмник, он вне системы, нет над ним начальства и нет государства, которое может спросить его за измену по всей строгости. Он вольная пташка – сегодня здесь, завтра там с другим паспортом и под другой фамилией. Поди, найди его. Вербовка наёмника – штука рискованная. Тут нужно подстраховаться.

– Хорошо... Теперь надо убрать тех, кто мешает тебе и мне, – проговорил переводчик.

Хозе всё понял.

– Ты готов?

Кивок. Что ему две жизни, когда он за собой не один десяток трупов тащит? Он ведь наёмник, работа у него такая – людей убивать.

Отстегнуть Хозе правую руку. Показать пальцем назад и ткнуть в лоб. Понятно, кого стрелять и куда стрелять. Вытащить пистолет Хозе, выщелкнуть, проверить обойму, в которой, в прорезь, видны патроны. И быстро и незаметно, отвлекая внимание, переменить обойму на запасную, в которой только два патрона. Этим фокусам их еще в первой учебке научили. Это как кошелек у фраера из кармана вытащить – была одна обойма, стала другая. Достать другой пистолет, изъятый у пассажиров, притиснуть дуло к боку Хозе. В другую руку взять видеокамеру.

– Медленно... Дёрнешься – умрешь.

Тот всё понял. Плавно, дулом вверх, повернул пистолет, снял с предохранителя, посмотрел вопросительно.

Кивнуть.

Выстрел!

Второй!

«Пассажиры» дёрнули головами, по заднему стеклу плеснуло алым. А теперь момент истины. Если он принял вербовку, то... А если нет...

– Хорошо... Дай оружие.

Потянуться, податься вперед, чуть сдвинув упёртый в бок Хозе пистолет. Но, чтобы принять оружие, надо освободить руку от видеокамеры. Для этого потянуться, положить ее на торпеду... Вот она – провокация. Ну? И что?

Хозе широко улыбнулся... Ай, молодец, правильно действует. Улыбка, она притупляет.

И вдруг резко дёрнувшись, уходя из-под упёртого в бок дула, Хозе повернул свой пистолет и нажал на спусковой крючок. Сухо щёлкнул курок.

И еще раз. И еще...

Ай-ай. Что, патронов нет? Как же так получилось?

Нет, не пошел Хозе на вербовку, плохо идут на вербовку наёмники, авантюристы без роду и племени.

– Что ж ты, парень, так опростоволосился?

Хозе, ничего не понимая, дёргал указательным пальцем спусковой крючок... И глаза его испуганно круглились и лезли из орбит.

Отставить руку назад, повернуть кисть и... Эх... Хозе... Выстрел! И еще два! Чтобы было похоже... Пули ударили Хозе в грудь. Он сполз на сиденье. Теперь сунуть пистолет в еще теплую руку водителя и ткнуть в скобу его указательный пальчик.

А вы как хотели? Всё как на войне. Вы сами свою профессию выбрали, где всякое случается, где не только ты – но и тебе отскакивает! Кроме того, на вас, помимо прочего, два наших торгпреда висят, которых вы из ружья, как вальдшнепов, стрельнули в составе преступной группы. А это по любым уложениям – вышка.

Ну вот и всё. Картина, ясная как божий день – повздорили ребятки и перестреляли друг дружку. Вначале Хозе получил три пули в грудь, но, молодец, успел выдернуть оружие и выстрелить в своих обидчиков. Дальше пусть во всем этом местная полиция разбирается. Главное, своих вещдоков и пальчиков не оставить.

Осмотримся...

Приберемся...

Всё, можно уходить?

Тогда уходим...

* * *

Ну, и за каким этому «Петролеуму» Африка сдалась? Там жара, туземцы и никакого порядка. Почитаем, посмотрим, чем вообще эта «корпорейшен» занимается, кроме как людей по всему свету мочит. Со сведущими людьми поговорим, разные мнения выслушаем. Веронику в качестве интервьюера привлечем. С ее выдающимися, на пять размеров вперед, талантами. Дама она не вредная и проверенная. Больше, чем знает, уже не узнает.

– Корреспондентка журнала «Нефть энд газ». Мне бы интервью...

– Что-то я не слышал про такой журнал.

– Он ведомственный и распространяется только по подписке. Я пришлю журнал вам с вашим интервью.

В конце концов, всегда можно отпечатать пару подарочных экземпляров.

– Надеюсь, вы мне не откажете?

Ну, как такой откажешь? Если ты, конечно, мужик.

– «Petroleum and corporation», говорите... Это серьезная организация. Хотя особо себя не афиширует. Впрочем, они все предпочитают не высовываться, предпочитают действовать в тени. Не любят они огласки. Есть несколько подобного рода фирм, которые тихой сапой по миру углеводороды к рукам прибирают. Впрочем, и другими недрами не брезгуют, если те «на поверхности» и сверхбарыши обещают – золотишко, редкоземельные металлы. Филиалы по всему миру. В руководстве... Ну, это вы можете в Интернете посмотреть, хотя про истинных хозяев информацию вряд ли сыщите. Там – тень на плетень. Обороты... Кто бы истинные знал. Про то даже американские налоговые органы не в курсе. Потому что финансовые потоки по всему миру бродят, застревая и оседая в третьих странах. Впрочем, их сильно по этому поводу не тревожат.

– Почему? Я слышала, что американские налоговики – это хуже НКВД времен Берии.

– Это так. Но дело в том, что сия уважаемая фирма работает в паре с государством. С правительством Соединенных Штатов Америки. Почти все серьезные международные корпорации с ними сотрудничают. Вынуждены сотрудничать. Ну вы понимаете, большие деньги и большая политика всегда идут рука об руку, и каждый получает с этого свои дивиденды. То, что может себе позволить частный бизнес, не может государство, и наоборот. У частных руки развязаны. Поэтому они могут подкупать чиновников, угрожать, запугивать и даже убирать несговорчивых клиентов. А на тот случай, если их захочет кто-то стреножить – за их спинами всегда маячит седьмой американский флот. Из-за этого им всё сходит с рук. Но если «Петролеум» чего-то не поймет или заиграется, то в их офисы тут же нагрянут фининспекторы и начнут копать, опечатывать помещения и арестовывать счета.

– Злая собака на коротком поводке? – тихо засмеялась журналистка, отчего все ее формы пришли в движение.

– Ну, не на таком уж коротком. Мелкие шалости корпорациям прощаются.

– Какой у них может быть интерес в Центральной Африке?

– Трудно сказать. Но я слышал, что там на западном шельфе активно ковыряются наши буровики. Ищут нефть. Или газ.

– И что?

– А то, что все игроки, занимающиеся углеводородами, ревностно следят друг за другом. И если кто-то где-то буровит «шарик», то они постараются просунуть туда свои «ушки» и «глазки». Тут ведь кто не успел, тот опоздал.

– А если мы что-то найдем?

– Это вопрос сложный. Это всё зависит от объемов и качества сырья. Но если месторождение перспективное, постараются перехватить контракт, начнут бурить параллельные скважины, договариваться с нами о партнерстве или станут пакостить.

– Как?

– Например, устроят аварию. Или поссорят нас с местным населением, чтобы сделать невозможным продолжение работ. Много чего могут учудить. Вплоть до смены режима, если месторождение того стоит.

– Зачем?

– Затем, что наш контракт на разведку и добычу углеводородов был заключен с этим правительством, и если что, мы можем затеять судебные разбирательства. А если правительство вдруг сменится, то все прежние контракты на этом основании могут быть разорваны. Потому что это будет уже совсем другая страна, которая может не принять на себя обязательства той, прежней, и начать всё с начала. Такой вот финт, как говорит молодежь, ушами. И в этом случае, корпорации без участия правительства США не обойтись. Потому что без шестого или седьмого флота кто их будет слушать?

– Спасибо вам за интересное и очень содержательное интервью.

– Не за что.

Хотя есть за что.

Потому что теперь многое стало понятно. Интерес стал понятен...

* * *

И на том – всё. Не его это епархия, его – родная сторона, где березки, медведи, мужики с гармошками и бабы в кокошниках. Там его место. А здесь пусть коллеги из других ведомств трудятся, которые за это деньги получают. Он свое дело сделал! Остается систематизировать весь нарытый материал, сформулировать выводы, резервным каналом сбросить куратору и паковать чемоданы, которых нет. Засиделся он тут, на чужбине. Ну, не в Африку же ему отправляться в самом деле! Хотя не факт! Потому что пришел ответ от куратора. Подозрительно быстрый.

Распакуем, расшифруем, поглядим. Про что там? «Сверху» что-то про покупку жене осенних сапог, а «внутри»... А внутри: «Продолжить расследование по вновь полученным фактам». И всё. Коротко и... неясно.

Почему именно он, когда по Африке работает масса организаций начиная от МИДа и кончая СВР? У них тут посольства, резидентуры, агенты. Он-то здесь при чем? Да и что он там сделает один? Ерунда какая... Или не ерунда? Потому что он в теме, он потянул... А другие пока войдут... Да еще неизвестно, как потянут, еще перестараются, оборвут хвостик. Ну, или раньше времени светить не хотят штатных шпионов. Может, так. Может, иначе. Гадать не приходится. Куратор всегда прав. Если ты с его решением не согласен – смотри пункт первый.

Так что собирайся, Резидент, покупай пляжные шорты, шлепанцы, панаму, темные очки и полотенце. Ждут тебя жаркие края, солнце, аборигены и, не исключено, свинцовые пульки в спину. Потому что эти ребята из «Петролеума» оказались сильно непростыми, и, если встать им поперек пути... А встать придется, потому что для того он туда и направлен. Ну не для купаний же. В общем, форма одежды – курортная. Задачи ясные, как африканское небо в полдень. А будущее темно, как коренное население той самой части света. Вот как аукнулась ему любимая детская сказочка про доктора Айболита, больных обезьянок и реку Лимпопо. И кто бы мог подумать... Кто мог – подумал. И приказал... А ему остается только под козырек! Как там: «И бежит Айболит к бегемотикам, и хлопает их по животикам...»

Эх!

* * *

Хорошо одетый мужчина с красной кожаной папочкой в руке шел по коридорам. Власти... В приемной остановился. Как вкопанный.

- Сам у себя? Я по срочному делу.

- Да, нас уже предупредили. Минуточку... Проходите.

Сам поднял голову от бумаг. Отбросил ручку. Взглянул вопросительно. На лице усталость, глаза воспаленные, еле заметный тик на правой щеке. Совсем не тот портрет, который тиражируют СМИ. Не супергерой, способный медведя-шатуна одной левой завалить. Держать в узде одну шестую суши - у кого угодно коленки затрясутся.

- Что у вас?

- Информация по Африке. Западный шельф дал результат. - Положил на стол распечатки шифрограмм.

- Хм... Интересно. Очень... Что другие буровые?

- Вгрызаются.

- Их президенту сообщили?

- Пока нет.

- И не надо. Чем меньше об этом будут все знать, тем нам лучше. Готовьте долгосрочные контракты и гоните туда торгпредов. Нечего им штаны в Москве просиживать, это их работа. И еще... подумайте об операции прикрытия. Не то все туда сунутся. И местных придержите, чтобы они лишнего не трепали.

- Как?

– Не знаю. Напрягите силовиков, это их прерогатива. Это нефть... Это не нефть, это рычаг влияния, которым можно пол-Африки!..

* * *

В полицейское отделение одной центральноафриканской страны вошел человек в белых шортах со здоровенным фотоаппаратом на груди. С наушниками, воткнутыми в уши. С жевательной резинкой во рту. Махнул рукой, дружелюбно скалясь. Как это умеют только янки. У которых тридцать два прекрасных зуба и все искусственные.

– Хелло!

Бухнулся, не спросившись, на стул, расставив во все стороны ноги.

– Мне надо поговорить с вашим начальником. У меня есть к нему важное дело.

Дородный полицейский-негр, ну или как его, если соблюдать политкорректность: афроафриканец? – улыбнулся в ответ. Потому что ни черта не понял.

– Сейчас-сейчас, – сказал он. Куда-то побежал, кого-то привел, откуда-то пригласил.

Начальник был еще черней и дородней. Потому что в третьих странах положение в обществе определяет твой вес: если ты худой и мускулистый, значит, беден, потому что копаешься в чем-то от зари до зари, а если у тебя с боков свисает сало, значит, ты много сидишь и спишь, и мало бегаешь, значит, можешь себе позволить.

Прошли в кабинет, где был кондиционер. Который никогда не работал. Но был.

– Я корреспондент известной американской газеты.

– Он корреспондент. Он большой человек, – перевел средней упитанности толмач. – У него, наверное, до черта гринов.

– Спроси, чего ему надо?

– Я пишу об отношениях коренного населения вашей страны к представителям белой расы. Больше всего меня интересуют криминальные случаи – нападения на иностранцев, убийства, похищения.

– У нас не бывает ничего подобного, – уверенно заявил полицейский начальник. – У нас очень миролюбивая и цивилизованная страна, мы рады гостям.

– И всё же, если что-то подобное случится, сообщите мне. Я хорошо заплачу. За каждый случай.

– Он заплатит! Я же говорю у него этих «мертвых президентов» полные карманы!

– Вы согласны? Или мне обратиться в министерство?

– Он согласен, – сам ответил толмач.

А он и был согласен, кто же от их зеленых бумажек откажется?

И из Африки пошла информация.

Оказывается, не всё в той гостеприимной стране было так благополучно, случалось, белокожих гостей обворовывали, грабили, насиловали и даже убивали. С завидным постоянством.

* * *

Через двое суток на западной буровой случилось ЧП.

– Ой! – сказал один из буровиков, схватившись за живот.

И второй сказал:

– Ой! О-ей! – И тоже схватился за живот.

И все, вся заступившая на вахту бригада, наперегонки побежала в сортир. В полном составе во главе со сменным мастером. В цивилизованные галюны все не вместились, и кто-то подвис на внешних леерах, обратившись задом к морю, отсвечивая перед всем белым светом. Наверное, съели что-то не то. Дежурный врач быстро собрал анализы, поковырялся в них под микроскопом, посоветовался с Москвой и вынес вердикт: массивное поражение желудочно-кишечного тракта, какой-то экзотической африканской микрофлорой.

Типичная для европейцев ситуация. Местные те микробы могут ложками хлебать, и хоть бы что, а приезжие животиками маются.

Бригаду, сделав всем промывание желудка и поставив клизмы, разложили по койкам и матрасам в санчасти. На буровой объявили карантин, временно прекратив все работы и изолировав местный обслуживающий персонал, чтобы предотвратить возможное расползание эпидемии. На леерах вывесили карантинные флаги, не подпуская к буровой никого из посторонних, включая местных врачей. То есть сделали всё, чтобы остановить распространение инфекции. Но было уже поздно...

* * *

На стол водрузили бутылку. Обычная пластиковая пятилитровка, наполненная чем-то густым и черным.

– Что это? – недовольно спросил хозяин кабинета. И страны. Не самой большой, но и не самой маленькой на Африканском континенте.

Пришедший открутил пробку. В нос ударил неприятный специфический запах.

– Нефть?

– Нефть!

– Откуда?

- С буровой на западном шельфе.

- Значит, досверлились...

- Да.

- Как ты узнал?

- Там мои люди. Они сообщили и передали бутылку. Я попросил провести анализ на содержание примесей. Но уже понятно, что нефть высокого качества.

- Что русские?

- Пока молчат, изображая продолжение работ, гоняют бур вхолостую.

Это понятно. Отыскав золотую жилу, никто не орет: «Нашел, нашел!» и не размахивает руками, привлекая к себе всеобщее внимание. А тихо присыпает грунтом сверкающие самородки и идет в контору столбить за собой участок.

Значит, не сегодня-завтра русские придут к нему на предмет долгосрочного контракта. Торговаться придут. А за ними другие. И третьи. Потому что «змею в кармане не спрячешь»: день-два, максимум неделя и все обо всем узнают. И потянутся, как шакалы к падшему слону. Стаями. И нужно будет выбирать... Кого?

Хозяин кабинета и страны задумался. Всерьез... Потому что такое везение... И такая головная боль...

Эта бутылка на столе... она изменила всё. В одночасье. Была страна без нефти, а теперь... Теперь это совсем другая страна!

Что-то будет...

* * *

- У русских нефтяной фонтан. На западном шельфе.

- Объемы?

- Пока средние. Но если потекут остальные буровые, то в среднесрочной перспективе это может серьезно отразиться на ценах на мировом рынке.

- Качество?

- Судя по всему, высокое. Сейчас мы ведем работу по добыче образцов, для проведения анализов.

- С этим можете не спешить. Чуть лучше будет нефть или чуть хуже - это не так уж важно. Важно, что она есть, что ее много и что нашли ее русские. Если они закрепятся на континенте длинными нефтяными контрактами, то их оттуда потом не выжмешь. А это уже не экономика, а политика! Подмяв под себя одну страну, они потянутся к соседним. Считайте, они не буровые вышки вокруг Африки ставят, а пограничные столбы вкапывают, за которые нас не пустят. Вспомните СССР, который половине мира свою идеологию насадил. Вы что думаете, русские изменились? Возьмите это дело под особый контроль. Эта нефть... она весь расклад в регионе изменила. И если мы не поспеем к дележу этого нефтяного пирога вовремя, то опоздаем. Кругом! Посылайте туда своих людей. Торгпредов посылайте. И приготовьте такие предложения, от которых местные... не смогут отказаться!

* * *

Занудна работа разведчика, почище чем у иного счетовода: информация, сводки, графики, цифры. И все надо просмотреть, проанализировать, не пропустить... Свой регион, который надо держать на контроле, потому что за него спросится. И еще Африка... И переписка, которая капает сверху и брызжет снизу.

Отсматриваем доски объявлений, проверяем одноразовые мейлы, правильно скачиваем пространные тексты, специальной программой соединяем их, хитромудро расшифровываем, читаем. Ничего срочного - пара писем от куратора с напоминанием о текущих отчетах, доклады людей, отвечающих за агентурные

сети по региону. А это что такое? А это привет с черного континента! Сводки происшествий в одной не близкой африканской стране. Хм... Интересно. Очень. Потому что – нападение на иностранных гостей, среди которых несколько русских. А зачем на них напали? С целью наживы? По логике должно быть так. Потому как белый человек – богатый человек. Но только у них ничего не взяли. И даже у женщин. И что настораживает, фамилии пострадавших – мужчин и женщин, в двух случаях совпали. По фамилиям совпали, а по времени происшествия нет! То есть били их не вместе, а в разные дни и в разных местах! А это заставляет задуматься! И кто они, если по фамилиям отсмотреть?

Да вы что! Торгпреды они. И супруги их!

То есть выстраивается интересная цепочка причинно-следственных связей, вначале в тихом, темном месте неизвестные хулиганы поймали и поколотили торгпредов, а через несколько дней они же или иные злодеи отловили и нанесли увечья средней тяжести их женам. А если дальше посмотреть? А если дальше, то больше. Неизвестные чернокожие преступники избили еще двух российских торгпредов, причем так, что один из них спустя полторы недели скончался в российском госпитале, не приходя в сознание.

Это что же за выборка такая? Отчего ночные злоумышленники нападают исключительно на торговых представителей и членов их семей, не трогая при этом, к примеру, дипкорпус? Причем не абы всех, а только российских! Что это у них за злоба такая выборочно-патологическая? И что пишет по этому поводу МИД? Может, ноты посылает, выражает озабоченность или угрожает симметричными мерами, то есть нанесением аналогичных телесных повреждений их дипломатам?

А ничего не пишет! В их ведомстве тишь да гладь. А тот, скончавшийся от многочисленных переломов потерпевший, оказывается, помер естественной смертью, о чем сообщено в ведомственном некрологе. Съел что-то не то или сердце у него жаркий климат не вынесло.

Вот оно как... Не метут сор из избы. А, может, и правильно, зачем общественность будоражить, зачем родственников дипломатов в беспокойство вводить и абитуриентов дипломатических вузов пугать? Ай, спасибо местным полицейским, которые честно зарабатывают свои грены, сливая сводки происшествий. Надо бы им премию выписать. А, может, и лично поблагодарить! Только нужно личность, которая благодарить будет – подобрать...

* * *

– Я председатель общественной организации ветеранов дипмиссий. Из России. Мы узнали, что в вашей стране пострадали наши коллеги.

– Да, – сочувственно кивнул полицейский. – Иногда случаются подобные, не характерные для нашей страны, инциденты. Пережитки проклятого колониального прошлого. Хотя, в целом, мы очень дружелюбная и гостеприимная страна.

Ну да, если криминальные сводки не смотреть. А если смотреть, то немножко режут, немножко стреляют и даже кушают друг друга.

– Чтобы вы хотели?

– Хотел бы найти преступников.

– Мы ищем. Хотя это очень непросто. Потому что ночь, отсутствие свидетелей. Мы пытались составить фоторобот, но потерпевшие считают нас всех на одно лицо и портреты получаются такие, что можно всех подряд арестовывать. Боюсь...

– Вы не поняли. Я ищу преступников не для того, чтобы наказать их. Просто хочу задать несколько вопросов. Наша организация готова оплатить услуги посредникам.

– Вряд ли кто-нибудь согласится.

– Десять тысяч долларов. Подскажите, к кому бы я мог обратиться по данному...

– Ни к кому! Я попробую помочь вам сам.

Ну, конечно. Потому что здесь все друг друга знают, все родственники, все из одного рода-племени или приятели. Здесь среди местных тайн нет, все про всё и про всех знают.

– Завтра вы сможете?

– Что?

– Как что? Встретиться. И хорошо бы аванс...

* * *

Человек лежал на кровати весь в гипсе и на пружинных растяжках. Как расправленная для сушки вобла. Которая хорошо идёт под пиво.

Под кроватью стояла «утка». На тумбочке в пакетах фрукты-овощи и какие-то таблетки. Типичная больничная обстановка с характерными запахами, звуками и мыслями.

В палату вошел человек в наброшенном на плечи халате.

– Я представитель благотворительной организации, оказывающей помощь журналистам, дипломатам и прочим, пострадавшим при выполнении международных миссий в третьих странах. Мы помогаем в лечении и реабилитации. Вы, я слышал, подверглись нападению неизвестных преступников в одной африканской стране?

– Было дело.

– Сочувствую. А как всё случилось?

– Обычно. Вышел вечером подышать свежим воздухом, а тут какие-то люди. Обступили, затащили в темный переулок и стали бить. Ногами.

– Просто так?

– Просто так. Из хулиганских побуждений.

– Наверное, что-то украли?

- Нет, ничего.

- То есть это было не ограбление?

- Нет.

- А что? Может быть, какие-то межэтнические мотивы? Так сказать, месть белым за недавнее прошлое?

- Не знаю.

- Может, они о чём-то спрашивали? Или угрожали?

- Нет, молча пинали.

Хорошо, что в Африке пинали, потому что голыми ногами. А не где-нибудь в Тамбове - берцами.

Нет, этот ничего не скажет. Надо к другим пострадавшим идти. В еще одну палату. Лучше женскую. Женщины разговорчивее будут.

- Здравствуйте. Я представитель благотворительной организации, оказывающей помощь... На вас напали?

- Да.

- Как же так? Такая симпатичная дама. Может, бандиты хотели вас... Ну, в смысле возжелали большой, но чистой любви? Я где-то их понимаю!

Дама поправила прическу. И более внимательно взглянула на посетителя.

- Ну, что вы, конечно, нет. Они хотели...

Осеклась. Но чуть не проговорила. Значит, что-то знает. Значит, ее били не молча.

– Ну хорошо, оставим эту неприятную для вас тему. – Открыть папочку. – Я бы хотел обсудить с вами ваше лечение и последующую двухмесячную реабилитацию, которая будет проходить в одном из медицинских центров на Мальдивах или Канарах, по вашему усмотрению.

У дамы дыхание спёрло.

– Мы также сможем предложить вам омолаживающие процедуры, включая подтяжку, липосакцию и увеличение бюста на два размера, что входит в пакет наших предложений. Надеюсь, вы согласны?

Дама быстро-быстро закивала. Она была согласна. Уже на всё!

– Тогда давайте заполним анкету. Характер травм... Тяжесть... Пусть будет выше средней, чтобы компенсация выше. Причина нападения?

– Не знаю.

– Как так? Но здесь пункт... Я должен заполнить анкету, объяснить, почему на вас напали. Начальство требует, потому что ведет какой-то свой учет. Это условие спонсоров. Зачем-то им это нужно.

– Я не знаю.

– Может быть, нападающие от вас что-то требовали?

– Нет.

Вздохнуть тяжело. Папочку закрыть. Ручки в стороны развести.

– Тогда извините.

– А как же Мальдивы?

– Я бы всей душой, но начальство требует чётких ответов. И спонсоры... – Шагнуть к двери.

- Они не от меня требовали, от мужа.

Да? Интересно, требовали от него, а били-калечили жену.

- Они твердили про какой-то контракт. Что надо от него отказаться. И вообще лучше отсюда уехать.

- А что за контракт?

- Не знаю. Что-то с нефтью. Только вы мужу про это не говорите, а то он!

- Конечно, не скажу! Спасибо. Выздоровливайте.

* * *

Какие-то негры. Подростки. Которые везде одинаковы, хоть в Африке, хоть в России, хоть в Австралии. Просто хулиганы, которым в радость кому-нибудь по мордасам настучать. Тем более не за просто так.

- Кто вас нанял?

- Не знаю, какой-то американец.

- Откуда ты знаешь, что американец?

- Так он же «президентами» платил. Отстегнул бабки, сказал, чтобы мы тех русских отметилили и напомнили им про контракт.

- О чём напомнили?

- Чтобы они перестали нефть сверлить. И свалили отсюда. Ну, мы их отмутузили. И напомнили...

- Описать заказчика можете?

- Нет, вы, белые, все на одно лицо...

Ну вот теперь всё связалось воедино.

Нефть на шельфе - наши бурильщики - наши торгпреды и нанятые афрохулиганы, которые на них наехали. В лучших традициях наших девяностых. И теперь по всему выходит, здесь надо ждать гостей. Серьезных. К встрече с которыми лучше подготовиться.

* * *

- Не желаете слетать в командировку в Африку? Теплое море, белый песочек, дешевизна, климат, фрукты, экзотика. Мечта! И стоит этот индивидуальный тур будет десять тысяч баксов. Вам.

- Мне?

- Вам. Ну, конечно, там немного поработать придется. Но... без отрыва от отдыха.

- О чем вы, я еле ноги переставляю.

- Так там ножки по белому песочку легче будет переставлять. Опять же командировочные, усиленное питание и лечение. Персональные медсестры из местных с параметрами девяносто-шестьдесят-девяносто. Очень опытные сестрички - покойника из гроба поднимут.

- Да вы что, я не сегодня-завтра помру.

Ну, не сегодня и даже не завтра, а только через несколько месяцев. Что очень хорошо. Потому, что если раньше, то недоработает, а если позже, то может проболтаться. Потому что в таких операциях нужен «буфер». Который будет взаимодействовать с многочисленными исполнителями, транслируя им чужие приказы. «Говорящая голова».

- Вы подумайте, вам ничего делать не придется, только говорить на английском и французском, которыми вы владеете. Отдавать распоряжения.

- Чьи?

- Мои.

- А что же вы сами? Если всё включено?

- Мне противопоказан жаркий климат.

- А почему вы выбрали меня?

- По характеру. И профессии. Вот ваша характеристика с последнего места работы: «трудолюбивый, исполнительный, педант...» - это отмечается в плюс. А в качестве минуса: «...не склонен проявлять инициативу, плохо сходится с людьми, нелюдим, держится особняком от коллектива, избегает участия в общественной жизни».

- Это плохо?

- Это хорошо! Это то, что нужно. Вы нам подходите.

- Кому это «нам»?

- Заинтересованной в вас стороне.

- Хорошо, я подумаю.

- Думайте. Только недолго, потому что больниц много... А больных еще больше.

* * *

Трудно найти на черном континенте черного негра среди миллионов чернокожих африканцев. Много проще вычислить бледнолицых гостей. Которые

отсвечивают, как бельмо на глазу. Нужно лишь понять, откуда они придут.

Откуда?

Да хоть откуда: из Нового Света или из Старого, или из Азии, хоть из Австралии. Потому что пути подходов к цели могут быть долгие, разнообразные и запутанные. «Тайные люди» прямыми дорогами не ходят.

Тогда изменим вопрос: на чем могут прибыть гости? Потому что ловить их проще всего на месте прибытия. Как говорится: дорог, ведущих в город, много, а ворота – одни. Посмотрим, как тут дела обстоят с транспортом? Не очень обстоят. Подавляющее большинство гостей прибывает по воздуху. В три аэропорта. Рейсов там немного, и если поставить в толпу встречающих трех-четыре человека с фотоаппаратами...

Теперь морской путь.

Есть пять портов: один пассажирский и четыре грузовых. Два из которых работают на каботаж, потому что к приему крупнотоннажных судов не приспособлены. Пассажирский лайнер приходит два раза в неделю, так что отсмотреть и сфотографировать сходящих с трапа гостей нетрудно. В грузовых портах судов швартуется больше. Но там можно будет подрядить пограничников и карантинную службу, которые будут привязываться к каждому сходящему на берег матросу или пассажиру, выясняя, кто он такой есть.

Ну еще, может быть, местный яхт-клуб. Правда, яхтсмены все друг друга знают, как те цыгане, только цыгане по дорогам бродят, а эти по морям-океанам.

Теперь «железка», которой здесь, считай, нет – только местные линии, по которым ниоткуда не добраться. По которой еще чуть ли не паровозы вагончики таскают! И где сплошь одни только аборигены.

Автотранспорт. Можно исключить. По таким дорогам ездить дураков нет, тем более по партизанским районам. Это тебе не полицейские с палочками, у этих разговор короткий – поставят к бабабу и шлепнут.

Что еще?

Подводные лодки, планеры, парашюты и прочую экзотику всерьез рассматривать не будем, потому что зачем ползать брюхом по дну или болтаться на стропах, если всё равно придется объявиться в городе, где твою бледную физиономию тут же срисуют.

Конечно, можно в качестве нелегалов нанять афроамериканцев с другого континента, которые той же масти и расцветки. Но местные их раскусят в один момент по речи, по манере, по повадкам. Как ни странно, но в таких медвежьих углах спрятаться много труднее, чем где-нибудь в европейской столице. Это всё равно, что незнакомцу в глухую сибирскую деревню заявиться, где все всех по именам знают и хоть в валенки и телогрейку обряжайся, а всё равно будешь на виду.

Нет, прибытие почти наверняка будет легальным, по традиционным маршрутам. Зачем им нарываться раньше времени, зачем к себе внимание привлекать?

Будем исходить из этого.

Дальше они разбредутся кто-куда. Но недалеко. В черной Африке белые гости предпочитают сбиваться в кучки – снимают номера в одних и тех же отелях, обедают в нескольких облюбованных ими ресторанах, посещают одни и те же магазины, болтаются возле своих посольств и даже на пляжи ходят исключительно «свои». В «черные» районы они практически не попадают. Не раствориться им среди местного населения, где на них каждый будет пальцем показывать, а дети деньги кланчить.

Что сильно упрощает задачу, локализуя районы слежки.

Да и какой смысл им прятаться? Тут чем больше прячешься, тем больше в глаза бросаешься. И значит скрываться они не будут. А используют какую-нибудь легенду: изобразят делегацию кардиологов, журналистов, палеонтологов или энтомологов. И будут нагло лезть на глаза со своими сачками и фонендоскопами, что и станет самой лучшей маскировкой.

Наверное, так.

Теперь подумать о помощниках. Недобровольных. Которые будут сообщать о вновь прибывающих иностранных делегациях и одиночках тоже. Долго искать

их не придется, потому как они не прячутся, а напротив, помечают ареал своего обитания красивыми вывесками и табличками. Это все те же пограничники, таможенники, карантинная служба, полицейские...

Надо свести их с посредником, познакомиться, небескорыстно заинтересовать, то есть наладить крепкие коррупционные связи. Тем более, здесь это проблем не составит, так как местные чиновники только и ждут, чтобы им кто-нибудь что-нибудь предложил, потому как должности свои покупают, чтобы иметь с них барыши.

Эти и станут главными «сексотами». И самыми информированными. Только работать с ними должен кто-то из своих, кто знает местную специфику.

– Здравствуйте. Я доктор Браун. Ведущий специалист института социокультурных исследований по системе Ай-би-ви, город Принстон штата Нью-Джерси. Мы проводим масштабные работы по фиксации и анализу мировых миграционных потоков. Теперь вот мы добрались до вашей страны.

– В смысле?

– Нам необходимо знать состав и число ваших гостей. Кто прибывает, кто убывает, откуда, куда, с какой целью? Отслеживание и анализ существующих транспортных потоков позволяет выявлять средне- и долгосрочные тенденции, выстраивать миграционную политику, транспортную логистику...

– А я здесь при чем?

– При том, что вы хорошо знаете местные условия. Потому что здесь родились, выросли. Потому что профессия подходящая – журналист. У вас полстраны в приятелях ходит. А остальные в друзьях.

– И что?

– А то, что я уверен, многие ваши знакомые работают в госсистеме – в погранслужбе, на таможне...

– Допустим.

– И каждый день встречают гостей, документы у них проверяют. Это входит в круг их должностных обязанностей. И если бы они могли дать нам по ним информацию, это сильно бы облегчило нашу задачу.

– Не выйдет. Эта информация носит сугубо конфиденциальный характер и не подлежит передаче третьим лицам. Почему-то все считают, что если здесь Африка, то можно делать всё, что угодно. Мы – цивилизованная страна, в которой законы...

– Но я же не ради праздного любопытства прошу. Дело идет о серьезных научных изысканиях под эгидой ООН. Под которые выделена статья бюджета для оплаты подобного рода услуг. Десять долларов за одну анкету. Сколько у вас в день прибывает гостей?

– Ну, не знаю... двести, может быть, триста...

Давай, давай, считай! Триста помножить на десять, получается... Это получается... Три тысячи гринов получается! В день! Ну, кто от такого откажется? Эти – точно не откажутся! А ты, приятель, с каждой информешки свои проценты иметь будешь.

– Ну что, поможете? Науки ради.

– Ну, только если ради науки. И ООН.

И материал пошел. Что называется, из первых рук...

* * *

Толстенькая папка. Хоть и виртуальная. «От корки до корки» набитая сканами тысяч заграничных паспортов и разных сопроводительных бумаг. Отдельно тех, кто приезжает. И тех, кто уезжает. Кто приезжает группами, в составе официальных, полуофициальных и неофициальных делегаций, тех кто прибывает поодиночке и самостоятельно.

Посмотрим, посмотрим. Для начала группы.

Туристы из Белоруссии. Мимо...

Японская группа. Ну, эти вряд ли...

Ансамбль народного танца для участия в каком-то там фестивале.

Делегация монашек, прибывшая с гуманитарными целями и для раздачи подарков, библий и крестиков. Эти, если судить по фотографиям в сканах паспортов, на роль спецагентов годятся не очень: во-первых, сплошь дамы, во-вторых, сильно преклонного возраста. В девяносто лет за «объектом» сильно не побегаешь.

Дальше...

Баскетбольная команда. Может быть... Потому что сплошь мужики вполне себе призывного возраста. Но надо рост отсмотреть... Нет, и эти не подходят. Агентов под два метра тридцать не бывает. Слишком они заметны. Агенты и киллеры должны быть серенькими и средненькими, чтобы могли раствориться в толпе, глазу зацепиться не за что было: увидел и забыл. А такого дылду поди забудь! Эти только мячики могут кидать.

Кто там еще?

Какие-то сенаторы, прибывшие с дружеским визитом. Этих встречали официальные власти, за ручку держались, речи говорили. Эти отпадают. Эти на виду.

А это что за крепкие ребятки? Которые, как на подбор... Десант ветеринаров, прибывших для изучения какой-то там птичьей инфекции? Хорошее дело. И идеальное прикрытие, позволяющее по всей стране свободно перемещаться в поисках пернатых. Этих надо взять в разработку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/il-in_andrey/shel-f

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)